

НЮРЕНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС И ХОЛОКОСТ

Доказывают ли суды о “военных преступлениях” теорию истребления?

Марк Вебер

Обычной реакцией, когда выражают скептицизм в отношении холокостской теории, является приблизительно следующая:

“А Нюрнберг? Что вы скажете об этом судебном процессе и обо всех свидетельствах, представленных на нем”?! Подобная реакция вполне понятна, так как многие послевоенные суды о “военных преступлениях” придали авторитетную правовую легитимность холокостской теории истребления.

Самым важным из них был большой Нюрнбергский судебный процесс 1945-1946 гг., официально известный как Международный Военный Трибунал (МВТ)(International Military Tribunal (IMT)). Правительства Соединенных Штатов, Советского Союза, Великобритании и Франции судили самых известных из оставшихся в живых немецких руководителей как “главных военных преступников” за различные “военные преступления”, “преступления против мира” и “преступления против человечности”. Выражаясь словами Устава Трибунала, эти “нацистские заговорщики” совершили свои преступления как составную часть обширного “Общего Плана или Заговора”.

Помимо этого, одно лишь правительство США организовало еще двенадцать вторичных Нюрнбергских процессов, проведенных между 1946 и 1949 гг. Аналогичные процессы были проведены Великобританией в Люнебурге и Гамбурге и Соединенными Штатами в Дахау. Впоследствии было проведено много судебных процессов,

связанных с холокостом, в Западной Германии, Израиле и Соединенных Штатах, включая широко освещавшиеся в СМИ процессы в Иерусалиме над Адольфом Эйхманом и Джоном Демьянюком.

Тема обращения с евреями в Германии во время войны, заняла важное место на Нюрнбергском процессе. При обвинении подсудимых, Союзники особо подчеркивали, утверждаемое истребление шести миллионов европейских евреев. Главный обвинитель от США Роберт Джексон (Robert H. Jackson), например, заявил в своем вступительном обращении к Трибуналу:¹

Самые варварские и многочисленные преступления, планировавшиеся и совершавшиеся нацистами, были совершены против евреев... Моей целью является показать план уничтожения всего еврейского народа, план, которому все нацисты были фанатично привержены... Провозглашенная цель была уничтожение еврейского народа в целом... Заговор или общий план по истреблению евреев был... методично и тщательно претворялся... История еще не знала подобного преступления, совершенного против столь многих жертв или осуществленного с такой рассчитанной жестокостью.

Вторя этим словам, главный обвинитель от Великобритании сэр Хартли Шоукросс (Hartley Shawcross) заявил в своем заключительном обращении к Трибуналу:²

Есть одна группа, к которой метод уничтожения применялся в столь огромном масштабе, что моим долгом является особо указать на соответствующие свидетельства. Я имею в виду истребление евреев. Если бы даже эти люди [подсудимые] больше не обвинялись ни в каких других преступлениях, этого одного, в котором все они замешаны, было бы достаточно. История не знала подобных ужасов.

Насколько были обоснованны, представленные в Нюрнберге доказательства для таких уничтожающих слов? Что подсудимые говорили в ответ на предъявленные обвинения?

Значительная часть документации и свидетельских показаний, представленных на этих судах, была уже рассмотрена в статьях Журнала

¹ Office of the United States Chief of Counsel for the Prosecution of Axis Criminality, Nazi Conspiracy and Aggression (11 vols.), Washington, DC: U.S. Govt., 1946-1948. (The “red series.”) / NC&A, Vol. 1, pp. 134-135.

² International Military Tribunal, Trial of the Major War Criminals Before the International Military Tribunal. 42 vols. Nuremberg: 1947-1949. (The “blue series.”) / IMT, vol. 19, p. 501.

[Журнал Исторического Обозрения, публикуемый Институтом — перев.], поэтому здесь мы подробнее рассмотрим общую достоверность свидетельств, цитировавшихся в Нюрнберге и других местах в подтверждение холокостской теории истребления. В этой главе мы также уделим особое внимание основополагающему характеру этих процессов, сыгравших столь важную роль в “узаконении” теории холокоста.

Политическое правосудие

Все Нюрнбергское мероприятие грубо нарушало вековые, фундаментальные принципы правосудия. Победившие Союзники действовали в качестве прокуроров, судей и палачей немецких руководителей. Специально для данного процесса были изобретены обвинения, которые применялись только к побежденным.³ Поверженная, голодающая, разоренная Германия, однако, была не в состоянии противодействовать требованиям Союзных оккупационных держав.

Как признали в частном порядке даже сами некоторые ведущие деятели со стороны Союзников, Нюрнбергский процесс был организован не для отправления беспристрастного правосудия, а для политических целей. Сэр Норман Биркетт (Norman Birkett), английский судья на Нюрнбергском Трибунале, в частном письме в апреле 1946 года объяснил, что “этот суд лишь по форме является судебным процессом, а его главное значение состоит в том, что он является политическим”.⁴

Роберт Джексон, главный обвинитель от США и бывший министр юстиции США, заявил, что Нюрнбергский Трибунал “является продолжением войны стран-союзников” против Германии. Он добавил, что Трибунал “не связан процедурными или другими существенными положениями нашей судебной или конституционной системы...”⁵

³ Смотри краткое заявление всех адвокатов немецких подсудимых по делу MBT. Опубликовано у: Jay W. Baird, ed., *From Nuremberg to My Lai* (Lexington, Mass.: D. C. Heath, 1972), pp. 81-83.; Также обратите внимание на общий комментарий Ганса Ламмерса в связи с его приговором в Нюрнберге, у: Georg Franz-Willing, *Die Reichskanzlei 1933-1945* (Tübingen: 1984), p. 221.

⁴ Werner Maser, *Nuremberg: A Nation on Trial* (New York: Scribner's, 1979), pp. 281, 282.; В редакционной статье в октябре 1945 года американский либеральный еженедельник “Нэйшн” (Nation) признал: “Суд в Нюрнберге является политическим судом, перед которым стоят политические задачи”. *Nation*, Oct. 27, 1945, p. 418. Quoted in: James J. Martin, *Revisionist Viewpoints* (Colorado Springs: 1971), p. 125.

⁵ *International Military Tribunal, Trial of the Major War Criminals...* (“blue series”), IMT, Vol. 19, p. 398. (Testimony of July 26, 1946).; В письме, написанном своей

Судья Т. Никитченко, который председательствовал на торжественной вступительной сессии Трибунала, был заместителем Верховного суда СССР до и после своего судейства в Нюрнберге. В августе 1936 года он был судьей на пресловутом показательном московском процессе по делу Зиновьева и Каменева.⁶ Незадолго до созыва Нюрнбергского Трибунала, на совместной планирующей конференции Никитченко прямо объяснил советский взгляд на все мероприятие:⁷

Мы имеем здесь дело с главными военными преступниками, которые уже признаны виновными, и суд над которыми был объявлен главами [Союзных] правительств в Московской и Ялтинской декларациях... Весь смысл состоит в том, чтобы обеспечить быстрое и справедливое наказание за преступления...

Уже установлено, что нацистские лидеры являются преступниками. Задача Трибунала — лишь определить меру виновности конкретных лиц и назначить необходимое наказание — приговор.

Характерным признаком преимущественно политической природы Нюрнбергского процесса была та важная роль, которую играли евреи в организации этого судебного разбирательства. Наум Голдман (Nahum Goldman), бывший одно время президентом Всемирного Еврейского Конгресса и Всемирной Сионистской Организации, писал в своих воспоминаниях, что Нюрнбергский Трибунал являлся детищем Всемирного Еврейского Конгресса (ВЕК). Только после настойчивых усилий функционеров ВЕК, они смогли убедить Союзных лидеров принять идею, добавил он.⁸

жене незадолго до своей казни, бывший министр иностранных дел Йохим фон Риббентроп объяснил: “Все знают, что [обвинительный] приговор не выдерживает никакой критики, но поскольку я являлся министром иностранных дел Адольфа Гитлера, то политика требует моего осуждения”. Quoted in: Joachim C. Fest, *The Face of the Third Reich* (New York: 1970), p. 185.

⁶ Robert Conquest, *The Great Terror* (New York: Oxford University Press, 1990), p. 92.

⁷ Report of Robert H. Jackson, United States Representative to the International Conference on Military Trials, London, 1945 (Washington, DC: US State Dept., 1949), pp. 104-106, 303.; Whitney R. Harris, *Tyranny on Trial: The Evidence at Nuremberg* (Dallas: S.M.U. Press, 1954), pp. 16-17.; Leo Kahn, *Nuremberg Trials* (New York: Ballantine, 1972), p. 26.

⁸ Nahum Goldmann, *The Jewish Paradox* (New York: 1978), p. 122.; N. Goldmann, *The Autobiography of Nahum Goldmann* (New York: 1969), pp. 216-217.; Официальный деятель Всемирного Еврейского Конгресса раввин Морис Перлцвайг (Maurice Perlzweig) утверждал в 1949 году, что “именно Всемирный Еврейский Конгресс обеспечил проведение Нюрнбергского процесса...” Смотри : “W.J.C. Claims: The Nuremberg Trials,” *Jewish Chronicle* (London), Dec. 16, 1949,

Всемирный Еврейский Конгресс также играл важную, но менее открытую роль в ежедневных судебных разбирательствах. Прежде всего, могущественная, секретная организация добилась, чтобы преследование евреев Германией находилось в центре судебного разбирательства и, чтобы подсудимые были наказаны за свое в нем участие.⁹

Два еврея-офицера армии США — подполковник Мэррей Бернэс (Murray Bernays) и полковник Дэвид “Мики” Маркус (David “Mickey” Marcus) — играли ключевую роль в Нюрнбергском мероприятии. По словам историка Роберта Конота (Robert Conot), Бернэс был “ведущей силой, проложившей путь Нюрнбергу.” Бернэс, преуспевающий нью-йоркский адвокат, убедил Военного секретаря Генри Стимсона (Henry Stimson) и других предать суду побежденных немецких руководителей.¹⁰

Маркус, ярый сионист, стал “человеком номер три в определении американской политики” в оккупированной Германии. Являясь Начальником Отдела по Военным Преступлениям правительства США в 1946 и 1947 гг., он отбирал почти всех судей, прокуроров и адвокатов для судебного процесса в Нюрнберге. (Позднее он стал руководителем сионистских военных сил “Хагана” (“Haganah”) в Палестине.)¹¹

Некоторые из американцев, участвовавших в Нюрнбергском процессе, разочаровались во всем этом мероприятии. Один из немногих, кто публично выразил свои чувства, был Чарлз Ф. Веннерштрам (Charles F. Wennerstrum), судья Верховного Суда штата Айова, который председательствовал на Нюрнбергском процессе, судившем немецких генералов. “Если бы семь месяцев назад я знал то, что я знаю сегодня, я бы никогда не приехал сюда,” заявил он сразу после оглашения приговоров. “Я не видел присутствия тех высоких идеалов, которые, как

р. 17. Смотри также подтвердительное письмо Зелмановица (Zelmanovits) в: *Jewish Chronicle*, Dec. 30, 1949, p. 16. Note also: Milton R. Konvitz, “Will Nuremberg Serve Justice?,” *Commentary* (New York), Vol. I, No. 3, January 1946, p. 11.

⁹ World Jewish Congress, *Unity in Dispersion* (New York: WJC, 1948), pp. 141, 264, 266, 267.

¹⁰ Robert E. Conot, *Justice at Nuremberg* (New York: Harper & Row, 1983), pp. 10-13; Bradley F. Smith, *Reaching Judgment at Nuremberg* (New York: Basic, 1977), pp. 26-33. Tom Bower, *Blind Eye to Murder* (London: 1983), pp. 116 f. С другой стороны, американский еврейский газетный издатель Джозеф Пулитцер (Joseph Pulitzer) был против такого процесса. В мае 1945 года он требовал, чтобы 1,5 миллиона ведущих немцев были просто расстреляны без всякого суда. *The New York Times*, May 23, 1945, p. 11.

¹¹ Arthur R. Butz, *The Hoax of the Twentieth Century* (IHR, 1983), pp. 27-30, 100. Sources cited: Ted Berkman, *Cast a Giant Shadow* (1962); “War Crimes” article written by Marcus in *Britannica Book of the Year*, 1947, pp. 819-21; *Encyclopaedia Judaica*, vol. 11, p. 945; *Saturday Evening Post*, Dec. 4, 1948, p. 179. See also: R. Conot, *Justice at Nuremberg* (1983), p. 11.

утверждалось, являлись причиной создания этих трибуналов,” добавил он.¹²

Веннерштрам осторожно сослался на активное еврейское вмешательство в Нюрнбергский процесс. “Здесь вся атмосфера нездоровая... Использовались адвокаты, клерки, переводчики и исследователи, ставшие американцами лишь в последние годы, и чья предыдущая история коренится в ненависти и предрассудках Европы.” Он критиковал одностороннее рассмотрение свидетельств. “Большинство свидетельств на процессе были документы, отобранные из многих тонн официальной документации. Отбор производился обвинением. Защита имела доступ лишь к тем документам, которые обвинение считала важными для данного судебного дела.” Он пришел к выводу, что “судебные процессы должны были убедить немцев в виновности их лидеров. Они убедили немцев лишь в том, что их руководители проиграли войну более сильным завоевателям.” Виннерштрам уехал из Нюрнберга “с чувством, что правосудие было попорно.”

Один из ведущих юристов Америки был возмущен Нюрнбергским процессом. Главный судья Верховного Суда США Гарлан Фиске Стоун (Harlan Fiske Stone) заметил с раздражением: “[Главный обвинитель со стороны США] Джексон упоен своей ролью в нюрнбергском линче. Мне безразлично, что он делает с нацистами, но мне неприятно видеть его притязания на то, что он ведет судебные разбирательства согласно общему праву. Для меня с моими старомодными взглядами это чересчур ханжеское мошенничество.” В частном письме он писал: “... Интересно, как те, кто председательствуют на суде, оправдали бы действия своих собственных правительств, если бы их поставили на место обвиняемых.” В другом случае Стоун в частности интересовался “если бы мы были побеждены, то, согласно этой новой [Нюрнбергской] доктрине международного права, победители могли бы с полным основанием утверждать, что наши поставки Великобритании пятидесяти эскадренных миноносцев [в 1940 году] явились актом агрессии...”¹³

В Конгрессе, член Палаты Представителей США Г. Смит (H. Smith) от штата Висконсин заявил: “Нюрнбергский процесс настолько противоречит англосаксонским принципам правосудия, что нам придется вечно стыдиться этой страницы нашей истории... Нюрнбергский процесс представляет собой политику мести в самом худшем ее проявлении.”¹⁴ Другой Конгрессмен, Джон Рэнкин (John Rankin) от

¹² Hal Foust, “Nazi Trial Judge Rips 'Injustice',” *Chicago Tribune*, Feb. 23, 1948, pp. 1, 2.

¹³ Alpheus T. Mason, *Harlan Fiske Stone: Pillar of the Law* (New York: Viking, 1956), p. 716.

¹⁴ *Congressional Record - Appendix*, Vol. 95, Sec. 14, (June 15, 1949), p. A 3741.

штата Миссисипи констатировал: “Как представитель американского народа я хочу заявить, что то, что происходит в Нюрнберге, Германии, есть позор для Соединенных Штатов... Расовое меньшинство, через два с половиной года после окончания войны, в Нюрнберге не только вешает немецких солдат, но и судит немецких бизнесменов именем Соединенных Штатов.”¹⁵

Вероятно, самое смелое осуждение было сделано американским сенатором Робертом А. Тафтом (Robert A. Taft), широко считавшимся “совестью Республиканской партии.” С большим риском для собственной политической карьеры он осудил Нюрнбергское мероприятие в своей речи в октябре 1946 года. “Суд победителей над побежденными не может быть беспристрастным, независимо от форм правосудия, которыми он сопровождается,” сказал он. Тафт далее сказал:¹⁶

Во всем судебном разбирательстве присутствует дух мести, а месть редко бывает правосудием. Повешение одиннадцати осужденных человек ляжет пятном на американскую репутацию, о чем мы будем впоследствии долго сожалеть. На этом суде мы приняли советское представление о цели суда — как политики государства, а не правосудия — без учета англосаксонского наследия. Облекая политическую повестку дня в формы судебных процедур, мы дискредитируем саму идею правосудия в Европе на многие годы вперед.

Милтон Р. Конвиц (Milton R. Konvitz), еврейский специалист по правоведению и государственному управлению, преподававший в Нью-Йоркском университете, в то время предупредил, что Нюрнбергский Трибунал “нарушает многие основополагающие предпосылки судебного процесса.” Он продолжал: “Наши действия в отношении нацистов не согласуются ни с международным правом, ни с политикой Государственного департамента... Нюрнбергский процесс представляет

реальную угрозу основным концепциям правосудия, на выработку которых человечество потратило тысячи лет.”¹⁷

С той поры многие видные деятели в Соединенных Штатах и других странах, выражали аналогичные взгляды. Судья Верховного Суда США Уильям О. Дуглас (William O. Douglas) писал: “Я считал в то время, и по-прежнему считаю сейчас, что Нюрнбергский процесс был безнравственным. Закон был создан ex post facto (задним числом), чтобы угодить страстям и потребностям времени.”¹⁸

Контр-адмирал США Х. Ламонт Пью (H. Lamont Pugh), бывший Главный хирург военно-морского флота и Начальник Национального медицинского центра флота, писал: “Я полагал, что этот суд в целом граничит с международным безумием. Весьма необдуманно, неблагоразумно и достойно сожаления, что Соединенные Штаты выступили в ведущей роли обвинителей и организаторов суда над немецкими участниками войны.”¹⁹

Еще одно осуждение Нюрнбергского суда недавно появилось на страницах либеральной “Нью Републик” (New Republic):²⁰

Все величие западного правового наследия было использовано, чтобы разрушить это наследие на Нюрнбергском трибунале. Видные юристы во всех западных странах (но не в СССР) протестовали против этой пародии на западную правовую систему. То же самое делали и историки. То же самое делали просто культурные и нравственные люди. Если победителям нужно было “судить” побежденных за военные преступления, то они должны были судить самих себя за столь часто

¹⁵ Congressional Record - House, Vol. 93, Sec. 9, (Nov. 28, 1947), p. 10938. Also quoted in: W. Bosch, Judgment on Nuremberg (1970), p. 83.

¹⁶ Delivered at Kenyon College, Ohio, Oct. 5, 1946. Vital Speeches of the Day, Nov. 1, 1946, p. 47. Text also published in: Jay W. Baird, ed., From Nuremberg to My Lai (Lexington, Mass.: D. C. Heath, 1972), pp. 107-113. See also: William Bosch, Judgment on Nuremberg (1970), pp. 73-81. Принципиальность Тафта во время широко распространенной антинемецкой истерии произвела большое впечатление на Джона Ф. Кеннеди, который воздал должное позиции сенатора из Огайо в своем отмеченном премией бестселлере “Profiles in Courage”.

¹⁷ M. R. Konvitz, “Will Nuremberg Serve Justice?,” Commentary, January 1946 (Vol. I, No. 3), p. 11.

¹⁸ H. K. Thompson and H. Strutz, eds., Doenitz at Nuremberg: A Reappraisal (IHR, 1983), p. 196.

¹⁹ H. K. Thompson and H. Strutz, eds., Doenitz at Nuremberg (1983), pp. 194-195. Аналогично, английский адмирал Сэр Бэрри Домвилль (Barry Domville), бывший Директор английской военно-морской разведки и Президент королевского военно-морского колледжа, констатировал: “Моя глубокая симпатия на стороне всех тех, кто пал жертвой этого единственного в своем роде Нюрнбергского процесса. Я удивлен, что нашлось столько много видных людей в обеих странах, изъявивших желание принять участие в этой пародии на правосудие... Нюрнбергский процесс оставил несмыслаемое пятно на репутации всех стран, принявших в нем участие”. (H. K. Thompson and H. Strutz, eds., Doenitz at Nuremberg, p. 164.)

²⁰ Henry Fairlie, “How the Good War Went Bad,” The New Republic, May 20, 1985, pp. 18 ff.

совершаемые те же самые преступления. Кто бы судил [английского] Главного маршала авиации Сэра Артура Траверс Харриса “Бомбардировщика” (Arthur Travers Harris), архитектора ковровых бомбардировок немецких городов? Но дело было не только в наших собственных “военных преступлениях”. Если считалось правильным использовать судебные разбирательства для наказания виновных за совершение исключительных преступлений, подобно холокосту, то неверно использовать их для наказания за ошибки в принятии решений и в государственном управлении, которые обычно совершают все проигравшие страны. “Мы использовали методы врагов” — и использовали их в мирное время в Нюрнберге.

Во время прохождения в Нюрнберге судебного разбирательства и некоторое время после него, было много разговоров об универсальной применимости нового правового кодекса, выработанного в Нюрнберге. Утверждалось, что началась новая эпоха международного правосудия. Многие искренне верили, что четыре союзные державы будут и сами придерживаться стандартов Трибунала.²¹

Как оказалось, ни одна из четырех держав, участвовавших в Трибунале, не сделала ни малейшей попытки применить принципы, столь торжественно и столь фарисейски провозглашенные в Нюрнберге, ни к собственным руководителям, ни к руководителям других стран.

Ни один советский руководитель не был казнен за советскую военную интервенцию в Венгрии в 1956 году или в Чехословакии в 1968 году. Ни один английский руководитель не был отдан под суд за английское вторжение в Египет в октябре 1956 года. Президента Эйзенхауэра не судили за его интервенцию в Ливане в 1958 году. Президент Кеннеди не был повешен за неудавшееся вторжение в “Заливе свиней” на Кубе в 1962 году. Президент Джонсон никогда не предстал пред судом за ведение

²¹ Генри Л. Стимсон (Henry L. Stimson), который был министром обороны США во время войны 1940-1945 гг., писал в 1947 году: “... В Нюрнбергском приговоре утверждается центральный принцип мира... Был установлен стандарт, к которому американцы, по крайней мере, должны стремиться; ибо только, когда этот стандарт принят, поддержан и узаконен, мы сможем двигаться в направлении правопорядка и мира во всем мире”. Цитируется у: Jay W. Baird, ed., *From Nuremberg to My Lai* (Lexington, Mass.: D. C. Heath, 1972), p. 125. Подсудимый на Нюрнбергском Трибунале Альфред Розенберг заявил: “Я от всего сердца приветствую идею о том, что преступление геноцида должно быть поставлено вне закона международным соглашением, и влечь за собой самое суровое наказание...” *International Military Tribunal, Trial of the Major War Criminals ...* (“blue series”), IMT, vol. 22, p. 382.

войны во Вьетнаме или вторжение в Доминиканскую республику. Президента Никсона не отдали под трибунал за его вооруженное “вторжение” в Камбоджу.

Когда (Северные) вьетнамские власти пригрозили устроить суд над захваченными американскими летчиками в 1966 году, американский сенатор Эверетт Дирксен (Everett Dirksen) был вынужден заявить, что Нюрнбергский процесс “возможно, был страшной ошибкой.”²²

Двойной стандарт

При проведении Нюрнбергского процесса правительства Союзников сами нарушили международное право. В частности, их обращение с немецкими подсудимыми и дававшими показания военнопленными нарушало Статьи 56, 58 и другие Женевской конвенции 1929 года.²³

Правосудие — в противоположность мести — есть норма, которая применяется беспристрастно. В Нюрнберге, однако, нормы “правосудия” применялись только к побежденным. Четыре державы, вершившие суд, сами были виновны в совершении тех самых преступлений, в которых они обвиняли немецких руководителей.²⁴ Главный представитель обвинения от США Роберт Джексон в частном письме Президенту Трумэну писал, что Союзники²⁵

совершили или совершают то же самое, за что мы судим немцев. Французы до такой степени нарушают Женевскую конвенцию в своем обращении с [немецкими] военнопленными, что наше командование вернуло назад пленных, посланных им [для принудительного труда во Франции]. Мы судим за грабежи, но наши Союзники продолжают заниматься этим. Мы говорим, что агрессивная война — это преступление, однако один из наших союзников устанавливает свою власть над прибалтийскими государствами, основанную не на чем ином, как на завоевании.

В нарушении первого пункта обвинительного акта в Нюрнберге о “планировании, подготовке, развязывании или ведении агрессивной

²² W. Bosch, *Judgment on Nuremberg* (1970), p. 189.

²³ Werner Maser, *Nuremberg: A Nation on Trial* (1979), pp. 69, 302 (n. 23). See also: James McMillan, *Five Men at Nuremberg* (London: 1985), pp. 412-413.

²⁴ See: Ulrich Stern, ed., *Die wahren Schuldigen am zweiten Weltkrieg* (Munich: 1990).

²⁵ Jackson letter to Truman, Oct. 12, 1945. State Department files. Quoted in: R. Conot, *Justice at Nuremberg* (1983), p. 68.

войны”, Советский Союз напал на Финляндию в декабре 1939 (и за это был исключен из Лиги Наций). Несколько месяцев спустя Красная Армия оккупировала Литву, Латвию и Эстонию и бесцеремонно включила их в Советский Союз. Послевоенное французское правительство нарушило международное право и нюрнбергский пункт обвинения о “плохом обращении с военнопленными” используя труд большого числа немецких военнопленных для принудительных работ во Франции. В 1945 году Соединенные Штаты, Великобритания и Советский Союз договорились о безжалостной депортации более 10 млн. немцев с их исконных мест проживания в восточной и центральной Европе, что является нарушением пункта обвинения в Нюрнберге о “депортации и других бесчеловечных актах, совершенных против гражданского населения.”²⁶

Союзники обвиняли подсудимых в “преступлении против мира” путем планирования немецкого вторжения в Норвегию в 1940 году, однако же, английскому правительству в последствии пришлось признать, что Великобритания и Франция сами были виновны в этом же “преступлении”, подготовив вторжение в Норвегию под кодовым названием “Стрэтфорд” до начала действий немцев. А в августе 1941 года Великобритания и Советский Союз совместно вторглись и оккупировали Иран, нейтральную страну.²⁷

Принимая вышеперечисленное во внимание, неудивительно, что четыре правительства, организовавшие Нюрнбергский судебный процесс в 1945-1946гг. не включили определение “агрессии” в Устав Трибунала.²⁸

Михаил Восленский, советский историк, работавший переводчиком на Нюрнбергском Трибунале в 1946 году, позднее вспоминал, что он и другие из советского персонала испытывали неловкость, поскольку преступления, приписываемые немецким руководителям, были “нормой нашей жизни” в Советском Союзе.²⁹ Советская роль в судебных разбирательствах, полностью поддерживаемая Соединенными Штатами, побудила Американского дипломата и историка Джорджа Ф. Кеннана (George F. Kennan) осудить все нюрнбергское предприятие как “ужас” и “насмешку.”³⁰

Нюрнбергский двойной стандарт был в то время осужден английским еженедельным журналом “Экономист” (The Economist). Он указал, что и Великобритания и Франция поддержали исключение Советского Союза

из Лиги Наций в 1939 году за его неспровоцированное нападение на Финляндию, а спустя всего шесть лет в Нюрнберге, эти же правительства сотрудничали с Советским Союзом как с уважаемым, равноправным партнером. “Западному миру также не следует утешать себя, что Советы одни достойны находиться на скамье подсудимых правосудия Союзников,” продолжала передовая статья в “Экономисте”. Далее в нем говорилось:³¹

Среди преступлений против человечества числятся тотальные бомбардировки гражданского населения. Могут ли американцы, сбросившие атомные бомбы, и англичане, разрушившие города Западной Германии, быть признаны “невиновными” по этому пункту обвинения? К преступлениям против человечества также относится массовое изгнание населения. Могут ли англо-саксонские лидеры, которые в Потсдаме согласились с изгнанием миллионов немцев с их родных мест, считать себя совершенно невиновными? ... Страны, вершившие суд [в Нюрнберге] сами явственно провозгласили себя неподвластными закону, который они отправляли.

Официальное лицо в послевоенной оккупационной администрации США комментировало: “Чего стоят высокопарные моральные заповеди, провозглашенные в Нюрнберге, если американцы согласились на такую вещь как депортации населения, документально утвержденные официальными подписями, и которые тем самым, дают Союзникам юридическое право делать то, что в Нюрнберге они полагали безнравственным?”³²

Если бы стандарты Нюрнбергского Трибунала были применены к победителям во Второй Мировой Войне, то американский генерал, Главнокомандующий войсками Союзников в Европе Дуайт Эйзенхауэр был бы повешен. В конце войны Эйзенхауэр приказал, чтобы с немецкими военнопленными, находящимися в американском плену, перестали обращаться в соответствии с Женевской Конвенцией об обращении с военнопленными. Это нарушение международного права лишило массы немцев защиты Международного Красного Креста (МКК), и обрекло сотни тысяч из них на медленную смерть от голода и болезней.³³

²⁶ Constantine FitzGibbon, *Denazification* (New York: W. W. Norton, 1969), pp. 71-72.

²⁷ “Behind the scenes at Nuremberg,” *Daily Telegraph* (London), Jan. 27, 1977, p. 19.; J. McMillan, *Five Men at Nuremberg* (1985), pp. 245, 414.

²⁸ See: Richard H. Minear, *Victor's Justice: The Tokyo War Crimes Trial* (Tokyo: C. Tuttle, 1984), p. 57.

²⁹ M. Vozlenski, *Der Spiegel*, Oct. 6, 1986 (No. 41), pp. 55 ff.

³⁰ George F. Kennan, *Memoirs 1925-1950* (Boston: Little Brown, 1967), pp. 175, 261.

³¹ “The Nuremberg Judgment,” editorial, *The Economist* (London), Oct. 5, 1946, p. 532.; See also: J. McMillan, *Five Men at Nuremberg*, pp. 67, 173-174, 380, 414 f.

³² Marguerite Higgins, “Russian Quotes Allied Sanction of Deportations,” *New York Herald Tribune*, Nov. 14, 1946.

³³ James Bacque, *Other Losses* (Toronto: Stoddart, 1989). See especially pp. 26-28.

Наверное, ничего так ярко не характеризует явно несправедливый характер судебных разбирательств в Нюрнберге, как обращение с Рудольфом Гессом (Rudolf Hess), заместителем Гитлера. Его присудили к пожизненному заключению, несмотря на то, что он был единственным из ведущих деятелей стран-участниц во Второй Мировой Войне, кто рисковал своей жизнью в опасной, но бесплодной попытке заключить мир между двумя воюющими странами. Английский историк А. Дж. Тейлор (A. J. P. Taylor) однажды лаконично подытожил несправедливость дела Гесса, и косвенно, всего Нюрнбергского процесса:³⁴

Гесс прибыл в нашу страну в 1941 году как посол мира. Он прибыл с намерением восстановить мир между Великобританией и Германией. Он действовал из добрых намерений. Он попал в наши руки и с ним совершенно несправедливо обращались как с военнопленным. После войны мы должны были освободить его. Вместо этого, тогдашнее английское правительство передало его на суд в Международный Трибунал в Нюрнберге... Против Гесса не было доказано ни одно преступление... Как показывают документы, он даже никогда не был ни на одном обсуждении, где Гитлер объяснял свои планы войны.

Проблемы со свидетельствами

Победоносные Союзные державы перерыли всю Германию в поисках любого клочка бумаги, который можно было бы вменить в вину побежденному режиму. Ни до, ни после этого не были официальные документы какой-либо страны столь тщательно обследованы. Кроме официальных правительственных документов, прослеживающих немецкую политику в отношении евреев во время войны, Союзники конфисковали документы Национал-социалистической партии и ее организаций на местах, а также многочисленные документы частных коммерческих фирм, учреждений и частных лиц. Одно лишь количество захваченных бумаг поражает. Например, документы немецкого Министерства Иностранных Дел, конфискованные властями США, составили 485 тон бумаги.³⁵

Из этой горы документов, один только американский военный персонал отобрал примерно две тысячи документов, считавшихся наиболее

³⁴ Quoted in: Wolf R. Hess, *My Father Rudolf Hess* (London: 1986), pp. 392 f.

³⁵ *Nazi Conspiracy and Aggression* ("red series"), NC&A, vol. 1, p. vi (preface); William L. Shirer, *The Rise and Fall of the Third Reich* (New York: 1960), pp. ix, x.

инкриминирующими, для использования на главном Нюрнбергском процессе. Позднее тонны конфискованных документов были переправлены в США. Оценивается, что только в Национальном Архиве США, содержится более миллиона страниц документов Третьего Рейха по еврейской политике. Впоследствии многие сотни этих нюрнбергских документов были опубликованы, в основном правительством США в 40-томной "голубой серии" документов главного Нюрнбергского процесса, 15-томной "зеленой серии" документов "второй волны" Нюрнбергского процесса, и в 11-томной "красной серии".³⁶

Это все равно, как если бы некое правительство, враждебное Соединенным Штатам, захватило досье документов Пентагона и ЦРУ, а затем выборочно опубликовало самые компрометирующие документы из всей обширной коллекции.

За годы, прошедшие после Нюрнбергского процесса, историки многих стран тщательно просмотрели немецкие документы, включая бесчисленное множество документов, которых не было в наличии у нюрнбергского обвинения. Историки подвергли сравнительному анализу документы различных министерств и ведомств, а также многочисленные личные дневники и бумаги.³⁷

И, тем не менее, из всей гигантской массы документов, не было найдено ни единого документа, который подтверждал или хотя бы упоминал план истребления. Многие историки высказывали свои суждения об этом примечательной "дыре" в свидетельствах. Например, французский еврейский историк Леон Поляков (Leon Poliakov) в своей хорошо известной холокостской работе отметил:

Архивы Третьего Рейха, показания и отчеты его руководителей позволяют реконструировать до мельчайших деталей зарождение и разработку планов агрессии, военных кампаний и всех методов действий, с помощью которых нацисты намеревались переделать мир на свой лад. Лишь кампания по истреблению евреев, ее концепция, а также многие существенные аспекты, остаются под покровом темноты.

³⁶ Lucy Dawidowicz, *A Holocaust Reader* (New York: Behrman, 1976), pp. 2-3.; *Nazi Conspiracy and Aggression* ("red series"), NC&A, vol. 1, p. vi. See also: C. Mattogno, "Myth," *Journal of Historical Review*, Summer 1988, pp. 133-134.; John Mendelsohn, "The Holocaust: Records in the National Archives ...," Prologue (Washington, DC: National Archives), Spring 1984, pp. 23 ff. Raul Hilberg, *The Destruction of the European Jews* (New York: Holmes & Meier, 1985), pp. 1224-27.

³⁷ Alfred M. de Zayas, *The Wehrmacht War Crimes Bureau* (Lincoln: 1990), pp. 238 f.

Ни одного документального свидетельства планов истребления евреев никогда не было обнаружено, добавил он, поскольку “таких документов, вероятно, вовсе не существовало.”³⁸

В Нюрнберге немецкие документы находились в распоряжении прокуроров Союзников, которые не позволяли адвокатам защиты выбирать материалы по-своему усмотрению. Историк Вернер Масер (Werner Maser) указывал, что в Нюрнберге “тысячи документов, которые могли инкриминировать Союзников или доказать невиновность подсудимых, внезапно исчезли... Существуют много свидетельств, что документы конфисковывались, скрывались от защиты или даже крались в 1945 году.” Другие важные документы неожиданно “исчезали”, когда их запрашивали адвокаты защиты. Официальные лица Национального Архива в Вашингтоне несколько раз подтверждали автору этой статьи, что многие нюрнбергские документы остаются “утерянными” по сей день. Трибунал не разрешил использовать в качестве свидетельств несколько сборников немецких и захваченных иностранных документов, опубликованных во время войны как “Белая Книга” Министерства Иностранных Дел Германии. Большинство из 1 809 показаний под присягой, подготовленных защитой в Нюрнберге, никогда не были обнародованы.³⁹

Среди документов, которые защите не позволили обнародовать, было секретное приложение к немецко-советскому договору от 23 августа 1939

³⁸ Leon Poliakov, *Harvest of Hate* (New York: Holocaust Library, 1979), p. 108.; Профессор истории Принстонского университета Арно Майер (Arno Mayer) писал, что “подлинные документы о планировании и осуществлении политики истребления — редки”. Arno J. Mayer, *Why Did the Heavens Not Darken?* (New York: 1989), p. 363.

³⁹ W. Maser, *Nuremberg: A Nation on Trial* (1979), pp. 97, 98, 99, 272, 273-274, 331 (n. 50).; Жалоба адвоката д-ра Альфреда Зейдля (Alfred Seidl) у: Udo Walendy, ed., *Auschwitz im IG-Farben Prozess* (Vlotho: 1981), pp. 380, 383.; Hildegard Springer (Hans Fritzsche), *Das Schwert auf der Waage* (Heidelberg: K. Vowinkel, 1953), p. 112.; John Mendelsohn, “Trial by Document,” *Prologue* (Washington, DC: National Archives), Winter 1975, esp. pp. 230-231.; Richard Pemsel, *Hitler* (Tübingen: 1986), pp. 87-89, 104.; Адвокат защиты на МВТ д-р Пелкманн (H. Pelckmann) протестовал в связи с “исчезновением” важных документов защиты: *International Military Tribunal “blue series,”* vol. 21 (pp. 383-409 of German-language IMG edition). Цитируется у: U. Walendy, ed., “Lügen um Heinrich Himmler,” II. Teil, *Historische Tatsachen* Nr. 47 (Vlotho: 1991), p. 32.; О протестах адвокатов защиты в связи с некоторыми из этих трудностей, см.: Carlos Porter, *Made in Russia: The Holocaust* (1988), pp. 242-244, 248, 249, 252-256.

года, поделившее восточную Европу на сферы немецкого и советского влияния.⁴⁰

После того, как Нюрнбергский Трибунал объявил приговоры, Министр Иностранных Дел фон Риббентроп указал на препятствия, воздвигнутые в его деле.⁴¹

Защита была лишена возможности защищать в ходе судебного разбирательства немецкую внешнюю политику. Подготовленное нами прошение о представлении в суде свидетельств, было отвергнуто... Без всяких видимых веских причин, половина из 300 документов, подготовленных защитой, не были допущены к судебному разбирательству. Свидетели и письменные показания под присягой допускались лишь после выслушивания обвинения: большинство из них было отвергнуто... Корреспонденция между Гитлером и Чемберленом, отчеты послов и дипломатические протоколы, и т.д. были отвергнуты. Только обвинение, а не защита, имело доступ к немецким и иностранным архивам. Обвинение искало только инкриминирующие документы и использовало их тенденциозно. Оно сознательно скрывало от защиты документы, показывающие невиновность подсудимых.

Устав Международного Военного Трибунала разрешал использование “свидетельств”, обычно считающихся неприемлемыми. В Статье 19 указывалось, что “Трибунал не будет считать себя связанным техническими правилами представления свидетельств... и примет к рассмотрению любое свидетельство, имеющее, по его мнению, доказательную силу.”

Статья 21 особо оговаривала:⁴²

Трибунал не будет требовать доказательств общепризнанных фактов, а примет их как таковые. Оно также примет к сведению официальные документы и отчеты Объединенных (Союзных) Держав, включая акты и документы комитетов, подготовленные Союзными державами для расследования военных преступлений, а также документы и результаты расследований военных и

⁴⁰ Karl Hoeffkes, ed., *Deutsch-sowjetische Geheimverbindungen* (1988), pp. 28-30.; R. Pemsel, *Hitler* (Tübingen: 1986), p. 104.

⁴¹ W. Maser, *Nuremberg* (1979), p. 199.

⁴² *Nazi Conspiracy and Aggression* (“red series”), NC&A, Vol. 1, p. 9.; Jay W. Baird, ed., *From Nuremberg to My Lai* (Lexington, Mass.: D. C. Heath, 1972), pp. 16-17.

других Трибуналов любой из Объединенных (Союзных) Держав.

На основе этих Статей, Трибунал принял в качестве достоверных сааме сомнительные “свидетельства”, включая слухи и неподтвержденные сообщения советских и американских “следственных” комиссий. Например, Трибунал принял доклад американского Конгресса, который “доказывал”, что убийства происходили в газовых камерах в Дахау и доклад польского правительства (представленный Соединенными Штатами), который “доказывал”, что убийства совершались паром в Треблинке.⁴³ (В настоящее время ни один сколь-нибудь видный историк не приемлет ни одну из этих теорий)

Кроме того, Трибунал придал законную силу советским докладом об Освенциме и Майданеке (документы СССР-8 и СССР-29), которые подробно объясняли, как немцы убили 4 миллиона человек в Освенциме и еще полмиллиона в Майданеке. (В настоящее время ни один известный историк не приемлет ни одну из этих фантастических цифр.)

Ответственность немцев за убийство тысяч польских офицеров в Катынском лесу возле Смоленска также было подтверждено нюрнбергским документом СССР-54. Этот подробный доклад еще одной советской “следственной” комиссии был представлен как доказательство обвинения, содержащегося в совместном обвинительном акте четырех Союзных правительств. Как объяснил советский обвинитель: “В обвинительном акте мы находим, что одним из наиболее главных преступлений, за которые несут ответственность главные военные преступники, являются массовые казни польских военнопленных, расстрелянных в Катынском лесу возле Смоленска немецко-фашистскими захватчиками.”⁴⁴ (Интересно, что два из восьми членов советской Катынской комиссии были также членами советской комиссии по Освенциму: академик Н. Бурденко и Митрополит Николай.) И только в 1990 году советское правительство наконец признало, что катынские убийства были совершены, не немецкими частями, как было “доказано” в Нюрнберге, а советской секретной полицией.⁴⁵

⁴³ Documents 159-L (USA-222) and PS-3311 (USA-293). Published in: IMT (“blue series”), vol. 37, p. 621, and, IMT, vol. 32, pp. 153-158.

⁴⁴ IMT (“blue series”), vol. 1, p. 54.; IMT, vol. 7, pp. 425-427.; A. de Zayas, Wehrmacht War Crimes Bureau (1990), pp. 228-239.; J. McMillan, Five Men at Nuremberg, pp. 51, 67, 222.; R. Conot, Justice at Nuremberg, pp. 66-67, 452-455.; Document USSR-54 is published in IMT (“blue series”), vol. 39, pp. 290-332.; See also: C. Porter, Made in Russia: The Holocaust (1988), pp. 100-120, 229, 230, 234-235.; R. Faurisson, “Katyn a Nuremberg,” Revue d'Histoire Révisionniste, No. 2, Aug.-Oct. 1990, pp. 138 ff.

⁴⁵ New York Times, April 13 and 14, 1990.

Иногда утверждается, что доказательства, представленные обвинением на Нюрнбергском Трибунале, были настолько неопровержимы, что ни один из адвокатов защиты никогда не оспаривал подлинность или точность ни единого документа обвинения.⁴⁶ Это неправда. Адвокаты защиты не только протестовали против использования обвинением подложных документов, но как сейчас является общепризнанным, некоторые наиболее важные нюрнбергские документы были фальшивыми.⁴⁷

Например, адвокат защиты д-р Бём [Boehm] заявил протест Трибуналу о том, что нюрнбергский документ 1721-PS, который якобы подтверждает нападения штурмовиков на еврейские синагоги в ноябре 1938 года, является грубой фальшивкой. При этом он подробно объяснил свои доводы.⁴⁸

Несколько Нюрнбергских документов, основанных на так называемом “признании на одре смерти” коменданта Франца Зирайса (Franz Ziereis) явно фальшивы. (Нюрнбергские документы 1515-PS, 3870-PS и NO-1973.) Утверждалось, что эти документы доказывают систематические убийства сотен тысяч людей газами и другими способами в Маутхаузене и Хартхайме.⁴⁹

Почти через сорок лет после того, как Трибунал вынес приговоры, Нюрнбергский документ СССР-378 был уличен как несомненная фальшивка. Речь идет о записях частных бесед, якобы состоявшихся между Гитлером и Германом Раушнинггом (Hermann Rauschning), бывшим национал-социалистическим деятелем в Данциге. В откровенных выражениях Фюрер, как утверждалось, открыл свои самые сокровенные мысли и секретные планы завоевания мира. “Мемуары” Раушнинга были опубликованы в 1939 году в Великобритании под названием “Гитлер говорит”, и в Соединенных Штатах в 1940 году под

⁴⁶ Dorothy Rabinowitz, About the Holocaust (New York: 1979), p. 6.; A. Suzman and D. Diamond, Six Million Did Die (Johannesburg: 1978), pp. 33, 34, 35.

⁴⁷ Историк с международной известностью Вернер Масер (Werner Maser) отметил “существование фальшивых документов” в Нюрнберге. W. Maser, Nuremberg, p. 98.; See also: Ingrid Weckert, Feuerzeichen (Tübingen: 1981), pp. 151, 155, 171.; После войны Эйхманн (Eichmann) также утверждал, что некоторые из документов фальсифицированы. See: Rudolf Aschenauer, ed., Ich, Adolf Eichmann (1980), p. 153.

⁴⁸ IMT (“blue series”), vol. 22, pp. 148 f.; See: C. Porter, Made in Russia (1988), pp. 269-270, 410-411.; Подсудимый Балдур фон Ширак (Baldur von Schirach), гауляйтер Вены во время войны, жаловался, что еще один документ обвинения был фальсифицирован: IMT (“blue series”), vol. 14, p. 451.; Подсудимый Геринг и адвокат Штамер (Stahmer) выражали протест в связи с очередным документом: IMT, vol. 9, pp. 610 f.

⁴⁹ M. Weber, “Simon Wiesenthal,” Journal of Historical Review, Winter 1989-1990, p. 443.

названием “Голос разрушения”. Именно это американское издание было принято в Нюрнберге в качестве доказательства “ведущих принципов нацистского режима.”

Представитель обвинения от Великобритании сэр Хартли Шоукросс (Hartley Shawcross) и его советские коллеги цитировали из “Мемуаров” многочисленные выдержки. Подсудимый Балдур Ширак (Baldur Schirach) оспаривал подлинность этого документа, но адвокат защиты Пелкманн (Pelckmann) (который не был осведомлен об этом документе) признал это “свидетельство” как подлинное.⁵⁰ В 1983 году швейцарский историк Вольфганг Хэнель (Wolfgang Hanel) установил, что “мемуары” фальшивы от начала до конца. Раушнинг никогда не имел ни одной частной встречи с Гитлером.⁵¹

Другим подложным Нюрнбергским документом является так называемый “протокол Хоссбаха” (Hossbach protocol) (документ 386-PS), якобы протокол конференции на высшем уровне в 1937 году, на которой Гитлер, как утверждается, раскрыл свои секретные планы агрессивных завоеваний. Обвинитель от США в Нюрнберге Сидни Алдерман (Sidney Alderman) назвал этот протокол “одним из самых поразительных и откровенных из всех захваченных документов”, и заявил Трибуналу, что он снимает все остающиеся сомнения относительно вины немецких руководителей за их преступления против мира. Именно на основе этого документа Геринг был приговорен к смертной казни.⁵²

Таким же фальшивым является Нюрнбергский документ L-3 (США-28), якобы запись воинственной речи Гитлера перед командующими вооруженными силами 22 августа 1939 года. Она содержит цитату, приписываемую Гитлеру: “Кто сегодня говорит об истреблении армян?”⁵³

⁵⁰ Цитируется или ссылается в: IMT (“blue series”), vol. 7, pp. 442-443; vol. 14, pp. 518-519; vol. 19, pp. 256-259, 437-438, 494-495, 498; vol. 24, p. 182.

⁵¹ W. Malanowski, *Der Spiegel*, Sept. 7, 1985, pp. 92 ff.; M. Weber, “Swiss Historian Exposes ...,” *Journal of Historical Review*, Fall 1983 (Vol. 4, No. 3), pp. 378-380.; H. W. Koch, ed., *Aspects of the Third Reich* (New York: St. Martin's, 1985), pp. 13 f.; “Antideutscher Schwindel-Verleger gestorben,” *D. National-Zeitung* (Munich), Jan. 24, 1992, p. 9.

⁵² Dankwart Kluge, *Das Hossbach - 'Protokoll'* (1980); M. Weber, *Journal of Historical Review*, Fall 1983 (Vol. 4, No. 3), pp. 372 ff.; A.J.P. Taylor, *An Old Man's Diary* (London: 1984), p. 154. (Тэйлор (Taylor) добавил: “До сих пор не было представлено никаких доказательств того, что Гитлер планировал агрессивную войну... [Эта] ревизия взглядов заставляет пересмотреть весь приговор Нюрнбергского Трибунала, который все еще торжественно цитируется в оправдание войны Союзников против Германии”.)

⁵³ Heath W. Lowry, “The U.S. Congress and Adolf Hitler on the Armenians,” *Political Communication and Persuasion*, Vol. 3, No. 2, 1985. Reprinted in: *Armenian*

Еврейский историк Люси Давидович (Lucy Davidowicz), автор “Войны против евреев” (*The War Against the Jews*), признала, что “Также существуют холокостские документы, которые явно фальшивы, другие же порождают мифы, а не исторические факты.”⁵⁴

Сомнительные показания

Большей частью свидетельств в пользу холокостовской теории, представленных в Нюрнберге и на последующих судах, были показания “уцелевших”. Как сегодня признали многие историки, такие свидетельства очень часто были ложны.⁵⁵

Джеральд Рейтлингер (Gerald Reitlinger) предостерегает читателей в своем детальном исследовании “Окончательное решение”, что холокостовские свидетельства, включая Нюрнбергские документы и показания свидетелей, не могут быть приняты за чистую монету: “Необходима определенная осторожность при рассмотрении всех этих материалов, и особенно это относится к последнему разделу (рассказы уцелевших)... Восточно-европейский еврей — прирожденный краснобай, говорящий цветистыми сравнениями.”⁵⁶ Французский историк Жан-Клод Прессак (Jean-Claude Pressac) также предупреждал в своей подробной

Allegations: Myth and Reality (Washington, DC: 1986), pp. 119-132.; See also the letters by Dr. Robert John in the *New York Times*, June 8 and July 6, 1985.

⁵⁴ L. Dawidowicz, *A Holocaust Reader* (1976), p. 10.; В своей книге 1981 года, “Холокост и историки” (*The Holocaust and the Historians* (pp. 100-101), Давидович (Dawidowicz) писала о польском еврейском историке Бер(нарде) Марке (Bernard Mark), директоре Еврейского исторического института в Варшаве и авторе нескольких холокостских книг. Она утверждала, что он фальсифицировал холокостские источники. Другой еврейский историк Мишель Борвиц (Michel Borwicz) также утверждал в 1962 году, что Бер Марк является фальсификатором (“преобразователем”) документов. Смотри: M. Borwicz, *Revue d'Histoire de la Deuxieme Guerre Mondiale* (Paris), No. 45, Jan. 1962, p. 93.

⁵⁵ Рауль Хильберг (Raul Hilberg) отметил, что Мартин Гильберт (Martin Gilbert) в книге “Холокост” (*The Holocaust*) (1985г.) полностью полагается на такие сомнительные показания. Смотри интервью с Хильбергом в: “Recording the Holocaust,” *Jerusalem Post International Edition*, week ending June 28, 1986, pp. 8, 9.; Об общей ненадежности “свидетельских показаний”, смотри *Witness for the Defense* (by E. Loftus & K. Ketcham), reviewed by John Cobden in *The Journal of Historical Review*, Summer 1991 (Vol. 11, No. 2), pp. 238-249.

⁵⁶ Gerald Reitlinger, *The Final Solution* (London: Sphere books, pb., 1971), p. 581.

книге об Освенциме, что обращение с показаниями уцелевших требует чрезвычайной осторожности...”⁵⁷

Еврейский историк Ханна Арендт (Hannah Arendt) отметила в своей книге “Эйхман в Иерусалиме”, что “очевидцы”, которые давали показания в 1961 году в Иерусалиме на процессе Адольфа Эйхмана (Adolf Eichmann), лишь в редких случаях могли отличить то, что в действительности произошло с ними, от того, что они читали, слышали или вообразили себе впоследствии.⁵⁸ Холокостовский историк Люси Давидович аналогично отмечала, что “воспоминания уцелевших часто искажены ненавистью, сентиментальностью и прошедшим временем. Их восприятие внешних событий часто искажено лично пережитым.”⁵⁹

Французский историк Жермэн Тийон (Germain Tillion), специалист по Второй Мировой Войне, предупреждал, что тех заключенных лагерей, которые лгут, на самом деле⁶⁰

гораздо больше, чем обычно принято считать, и сами они весьма похожи на мир концентрационных лагерей, который, — увы, хорошо подходящий, чтобы стимулировать садистско-мазохистское воображение — предлагал им исключительное поле для действий. Мы знали многочисленных психически больных людей, наполовину мошенников и наполовину идиотов, которые эксплуатировали тему своей воображаемой депортации. Мы знали и многих других — тех, кого действительно депортировали — их болезненное воображение шло даже дальше той чудовищности, которую они видели или слышали со слов других людей.

Еврейский историк Самуэль Грингауз (Samuel Gringauz), который сам был интернирован в гетто Каунаса (Литва) во время войны, критиковал то, что он называл “гипер-исторической” природой большинства “свидетельских показаний” оставшихся в живых еврейских заключенных.” Он писал, что “большинство воспоминаний и отчетов полны абсурдного многословия, графоманиакальных преувеличений,

⁵⁷ Jean-Claude Pressac, *Auschwitz : Technique and Operation of the Gas Chambers* (1989), p. 23.

⁵⁸ H. Arendt, *Eichmann in Jerusalem* (New York: Compass/Viking, 1965), p. 224.

⁵⁹ L. Dawidowicz, *A Holocaust Reader* (1976), p. 11.; Еврейский холокостовский историк Гитта Серени (Gitta Sereny) жаловался по поводу тех, кто просто “изобретал холокостские события”. См. G. Sereny, *New Statesman* (London), July 17, 1981, p. 17.

⁶⁰ G. Tillion, “Le Systeme concentrationnaire allemand,” *Revue de l'histoire de la Deuxieme Guerre mondiale*, July 1954. (Quoted in: *IHR Newsletter*, No. 59, July 1988, pp. 5, 6.).

драматических эффектов, самовыпячивания без всякой меры, дилетантского философствования, претенциозного лиризма, непроверенных слухов, предубеждений, верноподданнической апологетики и нападок.”⁶¹

Шмуль Краковский (Shmuel Krakowski), директор архивов израильского правительственного холокостовского центра “Яд Вашем” (Yad Vashem) подтвердил в 1986 году, что из 20 000 зарегистрированных “показаний” “уцелевших” евреев, свыше 10 000 — “ненадежны”. Многие из уцелевших, желая “быть частью истории”, вероятно, слишком увлеклись и дали необузданную волю своему воображению, сказал Краковский. “Многие из них никогда не были в тех местах, где, по их утверждениям, они были очевидцами жестокостей. Другие же основывались на информации из вторых рук, переданной им друзьями или незнакомыми людьми.” Он подтвердил, что многие из показаний, хранящихся в досье в “Яд Вашем”, оказались в последствии неточными, а даты и местонахождения не выдерживали экспертной проверки историков.⁶²

Мы знаем, что свидетели на главном Нюрнбергском процессе давали ложные показания. Пожалуй, самым откровенным был случай, когда три свидетеля явным образом подтвердили ответственность немцев за катынские убийства польских офицеров.⁶³

Стивен Ф. Пинтер (Stephen F. Pinter) из Сент-Луиса, Миссури, в качестве прокурора армии США участвовал в американских судах над немцами в Дахау с января 1946 года по июль 1947 года. В общей сложности примерно 420 немцев были приговорены к смертной казни на этих судебных процессах в Дахау. В 1960 году, в письменных показаниях под присягой Пинтер заявил, что там использовались “заведомые лжесвидетели” для обвинения немцев в “ложных и необоснованных” преступлениях. К несчастью, в результате этих судебных ошибок было осуждено много человек, в том числе на смертную казнь.”⁶⁴

⁶¹ *Jewish Social Studies* (New York: Conference on Jewish Relations), Jan. 1950, Vol. 12, pp. 65-66.

⁶² B. Amoyal, “Doubts over evidence of camp survivors,” *Jerusalem Post* (Israel), August 17, 1986, p. 1.; Аналогично, многие американские самозванцы лживо, но убедительно рассказывали о своем героическом участии в ожесточенных сражениях, или участии в страшных зверствах во время войны во Вьетнаме. См. “Fighting Lies for Vietnam: Phony Soldiers,” *The Washington Times*, June 4, 1990, pp. D1, D5.; “Imitation Vietnam Syndrome,” *Baltimore Sun*, March 20, 1988, pp. 1E, 5E.

⁶³ R. Conot, *Justice at Nuremberg*, p. 454.; A. de Zayas, *Wehrmacht War Crimes Bureau* (1990), pp. 230-235.

⁶⁴ Нотариально заверенное заявление под присягой, данное Пинтером (Pinter), Feb. 9, 1960. Факсимиле у: Erich Kern, ed., *Verheimlichte Dokumente* (Munich:

Общую атмосферу во время процесса в Дахау характеризует следующий трагикомический инцидент. Американский следователь Джозеф Киршбаум (Joseph Kirschbaum) доставил в суд свидетеля-еврея по имени Эйнштейн (Einstein), чтобы дать показания, что подсудимый Менцель (Menzel) убил брата Айнштейна. Но когда подсудимый указал, что брат в действительности находится в зале суда, то, смутившись, Киршбаум обругал свидетеля: “Как мы сможем отправить эту свинью на виселицу, если ты настолько глуп, что привел своего брата в суд?”⁶⁵

Аугуст Гросс (August Gross), немец, который работал гражданским служащим в армии США на процессе в Дахау, позднее заявил:⁶⁶

Американские прокуроры платили профессиональным свидетелям, в большинстве своем бывшим заключенным-уголовникам из концентрационных лагерей, один доллар в день (в то время равный 280 маркам на черном рынке), а также предоставляли свидетелям питание и жилье. Во время перерывов между судебными заседаниями американские прокуроры говорили свидетелям, что те должны говорить при даче показаний. Американские прокуроры давали свидетелям фотографии подсудимых с тем, чтобы они легко могли их опознать и обвинять.

Молодой судебный репортер армии США на судебном процессе в Дахау в 1947 году, Джозеф Хэлоу (Joseph Halow), позднее вспоминал нездоровую атмосферу:

Практически все свидетели в судебных делах по концлагерям были теми, которых мы, судебские репортеры называли “профессиональными свидетелями”. Это те, кто провели месяцы в Дахау, давая показания против того или иного из многих обвиняемых... Их материально заинтересовали свидетельствовать нужным образом, и многие хорошо жили на это. Как легко можно было представить, мотивами профессиональных свидетелей были также злоба и мстительность... Во многих случаях, их месть состояла в преувеличении того, что они видели... Она также включала в себя откровенную ложь.

1988), p. 429.; Обратите также внимание на отчет Пинтера в *Der Weg*, No. 8, 1954, перепечатанный в: U. Walendy, ed., “Politkriminologie,” *Historische Tatsachen* Nr. 43 (Vlotho: 1990), pp. 20 ff.

⁶⁵ Freda Uitley, *The High Cost of Vengeance* (Chicago: Regnery, 1949), p. 195.

⁶⁶ Written declaration of A. Gross, in: Erich Kern, *Meineid gegen Deutschland* (1971), p. 264.

В одном случае, свидетельские показания обвинения породили больше вопросов, чем дали ответов. Некоторые были явно сфабрикованы или являлись настолько грубым преувеличением, что заставляли усомниться в их правдивости. Неоднократно были случаи неверного опознания и туманных, неопределенных утверждений.” Более того, Хэлоу сообщал, что американские суды почти не обращали внимания на показания обвиняемых, а также — в пользу обвиняемых.”⁶⁷

В 1947 году в судебном деле “Нордхаузен-Дора” (Nordhausen-Dora) американский адвокат защиты майор Леон Б. Пуллада (Leon B. Poullada) протестовал против общей ненадежности — и зачастую откровенной лжи — свидетелей обвинения в этом американском судебном процессе на над бывшей администрацией концентрационных лагерей.⁶⁸

Использование подобных ненадежных свидетельских показаний продолжалось на “холокостовских” судебных процессах и в последующие годы. Федеральный окружной судья Норман К. Реттгер (Norman C. Roettger, Jr.) во флоридском деле 1978 года постановил, что все шесть “очевидцев”-евреев, свидетельствовавших о жестокостях и расстрелах в Треблинке обвиняемого-украинца Федора Федоренко, неправильно опознали подсудимого, так как израильские власти дали им неверную информацию.⁶⁹

Нью-йоркский “охотник за нацистами” Чарльз Кремер (Charles Kremer) был с визитом в Израиле в 1981 году, разыскивая евреев, которые могли бы подтвердить жестокости, приписываемые украинцу — бывшему члену СС, проживающему в Нью-Джерси. Но Кремер вскоре прервал своей визит, горько разочаровавшись в евреях, которые за соответствующую плату готовы были предоставить многочисленные ложные “свидетельства”. Как сообщила “Бруклин Джуиш Пресс” (The Brooklyn Jewish Press), “У Кремера начались боли в желудке —

⁶⁷ J. Halow, “Innocent at Dachau,” *The Journal of Historical Review*, Winter 1989-1990, pp. 459-483.; Хэлоу (Halow) более подробно разбирает весь этот вопрос в своей книге “Невиновные в Дахау” (*Innocent at Dachau*), которая готовится к опубликованию Институтом IHR. В 1948 году немецкий епископ Dr. Johannes Neuhausler, который в течение ряда лет во время войны был интернирован в лагерях Заксенхаузен и Дахау, осудил использование таких “профессиональных свидетелей” на процессах, проводимых американцами, и привел особенно вопиющий пример. *Münchener Katholische Kirchenzeitung*, Nov. 7, 1948. Цитируется в: *D. National-Zeitung* (Munich), Dec. 13, 1985, p. 6.

⁶⁸ “Major Poullada's Final Defense Plea in the Nordhausen-Dora Concentration Camp Case,” *Journal of Historical Review*, Spring 1991 (Vol. 11, No. 1), pp. 81-119.

⁶⁹ Letter by former OSI director Walter J. Rockler, *National Law Journal*, Dec. 8, 1980, p. 14.; See also: B. Amouyal, “Treblinka witnesses were discredited,” *Jerusalem Post - International Edition*, Week ending April 5, 1986.

недомогание, которое он приписывает своему общению с торгашами, которые пытались использовать его поиски для личной выгоды.”⁷⁰

Одним из самых вопиющих примеров клятвопреступления еврейских холокостских очевидцев был в деле бывшего рабочего фабрики в Чикаго, пенсионера по имени Фрэнк Валус (Frank Walus), которого обвинили в убийстве евреев в его родной Польше во время войны. В декабре 1974 года, в ответ на письмо от “охотника за нацистами” Симона Визенталя (Simon Wiesenthal), в котором тот обвинял его в сотрудничестве с Гестапо, правительство США открыло судебный процесс. Во время суда одиннадцать евреев показали под присягой, что они лично видели, как Валус убивал евреев, в том числе несколько детей. После дорогостоящей и тяжелой судебной битвы, Валус наконец смог доказать, что он в действительности в военные годы подростком работал на немецких фермах. В длинной статье (авторское право Американской Ассоциации Адвокатов), опубликованной в 1981 году в “Вашингтон Пост” был сделан вывод, что “... в атмосфере ненависти и злобы, граничащей с истерией, правительство подвергло преследованиям невинного человека.”⁷¹

Пытки

Обвинение Союзников использовало пытки для доказательства своих судебных дел в Нюрнберге и других послевоенных судах.⁷²

Бывшего коменданта Освенцима Рудольфа Гесса (Rudolf Höss) пытали английские следователи, заставив его подписать ложное самообвиняющее “признание”, которое затем широко приводилось в качестве ключевого документа теории холокостского истребления. Его

⁷⁰ “Nazi Hunter Looks for Witnesses, Finds Hucksters,” Jewish Press (Brooklyn, NY), Dec. 4, 1981, p. 2.

⁷¹ “The Nazi Who Never Was,” The Washington Post, May 10, 1981, pp. B5, B8.; Michael Arndt, “The Wrong Man,” Sunday, The Chicago Tribune Magazine, Dec. 2, 1984, pp. 15- 35.; Kirk Makin, “Media distorted ...,” The Globe and Mail (Toronto), Feb. 15, 1985, pp. M1, M3.

⁷² Эмиль Лахоут (Emil Lachout), австрийский офицер, состоявший на службе в послевоенной Комиссии Союзников по Военным Преступлениям (Allied War Crimes Commission), показал под присягой в суде в 1988 году, что немецких должностных лиц пытали, чтобы получить от них ложные заявления о об убийствах евреев, якобы совершенных в газовых камерах немецких лагерей. Он также представил то, что он сказал, было копией документа 1948 года, подтверждающего это. См. Robert Lenski, Holocaust on Trial (1990), pp. 274, 278.; Müller circular notice, Oct. 1, 1948, опубликовано в: Journal of Historical Review, Spring 1988, pp. 117-124.

показания перед Нюренбергским Трибуналом — ставшие кульминацией судебного процесса — были, вероятно, наиболее поразительным и запоминающимся свидетельством немецкой программы истребления.⁷³ Гесс утверждал, что в газовых камерах Освенцима было убито два с половиной миллиона человек, и еще 500 000 заключенных умерли от других причин. Сейчас ни один серьезный или известный историк не приемлет эти фантастические цифры; что касается других ключевых частей “признания” Гесса, то сегодня является общепризнанным, что они неверны.⁷⁴

Александр Солженицын приводил случай Юппа Ашенбрэннера (Jupp Aschenbrenner), который под пытками подписал заявление, что во время войны он работал на передвижных газовых камерах (“газовые фургоны”). И лишь только спустя несколько лет после войны он смог доказать, что он в действительности в это время находился в Мюнхене, обучаясь на электросварщика.⁷⁵

Фриц Заукель (Fritz Sauckel), возглавлявший в военное время немецкую программу мобилизации трудовых ресурсов, был приговорен к смертной казни на главном Нюренбергском процессе. Важной частью свидетельства, представленного Трибуналу обвинением США, было показание под присягой, подписанное обвиняемым. (Нюренбергский документ 3057-PS.) Оказалось, что Заукель поставил подпись под этим самообвиняющим заявлением, составленным для него его тюремщиками, только после того, как они открыто сказали, что если он будет колебаться, то его жена и дети будут переданы в руки советской стороне. “Я все взвесил, и, думая о своей семье, я подписал этот документ”, впоследствии заявил Заукель.⁷⁶

Ганса Фрицше (Hans Fritzsche), другого обвиняемого на главном Нюренбергском процессе, аналогичным образом заставили оговорить себя, когда он был узником советской секретной полиции в Москве. (Нюренбергский документ USSR-474.)⁷⁷

⁷³ Rupert Butler, Legions of Death (England: 1983), pp. 235-239.; R. Faurisson, “How the British Obtained the Confessions of Rudolf Höss,” Journal of Historical Review, Winter 1986-1987, pp. 389-403.

⁷⁴ Höss statement, April 5, 1946. Document 3868-PS (USA-819).; Höss statement, May 20, 1946. Document NI-034.; Höss testimony at the Nuremberg Tribunal, published in: IMT (“blue series”), vol. 33, pp. 275-279 ; NC&A (“red series”), vol. 6, pp. 787-790.

⁷⁵ Aleksandr Solzhenitsyn, The Gulag Archipelago I-II (New York: Harper & Row, 1974), p. 112 (n. 15).

⁷⁶ IMT (“blue series”), vol. 15, pp. 64-68.

⁷⁷ IMT (“blue series”), vol. 17, p. 214.; K. Heiden, “Why They Confess,” Life magazine, June 20, 1949, pp. 92 ff. (Во время суда Фрицше отказался от своего заявления, сделанного по принуждению.)

Подсудимого в Нюрнберге Юлиуса Штрейхера (Julius Streicher), впоследствии повешенного за то, что он издавал порою сенсационную антиеврейскую еженедельную газету, подвергали зверским истязаниям во время ареста. Его жестоко избивали, били ногами и хлыстом, заставляли слизывать плевки и пить слюну, прижигали сигаретами. Ему отбили половые органы. Ему вырвали волосы на бровях и на груди. Подсудимый Ганс Франк (Hans Frank) был зверски избит двумя черными американскими солдатами вскоре после его ареста. Огюст Эйгрубер (August Eigruber), бывший гаулейтер Верхней Австрии, был изувечен и кастрирован в конце войны.⁷⁸

Иозефа Крамера (Josef Kramer), бывшего коменданта лагерей Берген Бельзен и Освенцим-Биркенау, и других подсудимых на проводимом англичанами “Бельзенском” процессе, по сообщениям также пытали, причем некоторых столь зверски, что они молили поскорее убить их.⁷⁹

Хотя большинство обвиняемых на главном Нюрнбергском процессе не подвергались пыткам, многих других немцев насильно заставляли давать письменные показания под присягой против своих бывших сослуживцев и начальников. Одной лишь угрозы передачи в руки советской стороне часто было достаточно, чтобы убедить их давать такие письменные показания или давать требуемые свидетельские показания в суде. Угрозы против жены и детей субъекта, включая лишение продуктового пайка, передача советской стороне или заключение в тюрьму, зачастую быстро давали желаемые результаты. Если же это не срабатывало, то субъекта могли посадить в одиночную камеру, избить, пинать, избить хлыстом или прижигать огнем, пока он не будет сломлен.⁸⁰

Показания главного свидетеля обвинения на Нюрнбергском процессе “Вильгельмштрассе” были получены угрозой смерти. Американскому

⁷⁸ W. Maser, *Nuremberg: A Nation on Trial* (1979), pp. 51-52, 47, 60.; K. Stimely, “The Torture of Julius Streicher,” *Journal of Historical Review*, Spring 1984, pp. 106-119.; “Streicher Case Opens,” *The Times* (London), April 27, 1946, p. 3.; Rupert Butler, *Legions of Death* (England: 1983), pp. 238-239.; Montgomery Belgion, *Victor's Justice* (Regnery, 1949), p. 90.

⁷⁹ Montgomery Belgion, *Victor's Justice* (1949), pp. 80-81. Cited in: A. Butz, *Noah of the Twentieth Century*, p. 189.

⁸⁰ Во время судебного разбирательства “Дело 8” в Нюрнберге председательствующий судья Уэйтт (Wyatt) принял во внимание обвинение в использовании пыток. “В ходе судебного процесса”, заявил этот американский юрист, “несколько свидетелей — включая некоторых подсудимых, давших письменные показания под присягой, которые затем были представлены обвинением в качестве свидетельства, — показали, что им угрожали и, что совершенно недопустимое принуждение практиковалось следователем”. *Nuremberg Military Tribunals, Trials of the War Criminals ... (“green series,” Washington, DC: 1949-1953), NMT, vol. 15, p. 879.*

адвокату защиты Уоррену Маджи (Warren Magee) удалось получить копию первого предварительного допроса Фридриха Гауса (Friedrich Gaus), бывшего высокопоставленного работника немецкого Министерства иностранных дел. Несмотря на яростные протесты прокурора обвинения Роберта Кемпнера (Robert Kempner) судья разрешил зачитать этот документ. Во время предварительного допроса Кемпнер сказал Гаусу, что он передаст его советской стороне для смертной казни через повешение. Гаус со слезами умолял Кемпнера подумать о его жене и детях. Кемпнер ответил, что он может спасти себя только, если даст показания в суде против своих бывших коллег. Находясь уже четыре недели в одиночном заключении, Гаус в отчаянии согласился. Когда Маджи закончил чтение этого документа, Гаус, закрыв руками лицо, сидел совершенно опустошенный.⁸¹

Американские солдаты неоднократно подвергали избиениям бывшего капитана СС Конрада Моргена (Konrad Morgen), безуспешно пытаясь заставить его дать письменные лжесвидетельские показания против Ильзы Кох (Ilse Koch), обвиняемой в американском военном “Бухенвальдском” суде 1947 года. Американские официальные лица также угрожали выдать Моргена советской стороне, если он не подпишет ложных заявлений.⁸²

Майор армии США предупредил генерал-фельдмаршала Люфтваффе Эрхарда Мильха (Erhard Milch), чтобы он прекратил давать показания в пользу Германа Геринга на главном Нюрнбергском процессе. Американский офицер сказал, что в противном случае его самого обвинят как военного преступника независимо от того, виновен он или нет.⁸³ Мильх не поддавался шантажу, и его действительно обвинили. В 1947 году американский суд в Нюрнберге приговорил его к пожизненному тюремному заключению как военного преступника. Спустя четыре года американский Верховный Комиссар смягчил его приговор до пятнадцати

⁸¹ Letter by Lutz Schwerin von Krosigk written in Essen, April 15, 1975, shortly before his death. Published in: *Die Bauernschaft* (Mohrkirch), April 1981, pp. 34-35.; Freda Utey, *The High Cost of Vengeance* (Chicago: Regnery, 1949), p. 172.; T. Bower, *Blind Eye to Murder* (1983), p. 314.; “US Ankl_ger Kempner schwer belastet,” *Deutsche Wochen-Zeitung*, Feb. 23, 1973. Cited in: *Austin App, No Time for Silence* (IHR, 1987), p. 17.

⁸² John Toland, *Adolf Hitler* (Garden City, NY: Doubleday, 1976), p. 774.; Карлхайнца Пинча (Karlheinz Pintsch), адъюданта Рудольфа Гесса (Rudolf Hess), заместителя Гитлера, в течение месяцев пыталась советская секретная полиция в Москве, пытаясь заставить его подписать заявление, инкриминирующее Гесса. Несмотря на истязания Пинч не сломался и не подписал то, что от него требовали. *Wolf R. Hess, My Father Rudolf Hess* (London: 1986), p. 62.

⁸³ Milch sworn statement, April 9, 1947. Quoted in: E. Kern, ed., *Verheimlichte Dokumente* (1988), p. 400.

лет, а через некоторое время после этого Мильх был освобожден по амнистии.⁸⁴

Просочившиеся сообщения о широко распространенных пытках на послевоенных процессах по “военным преступлениям, проводимых американцами в Дахау, вызвали столь многочисленные протесты, что, в конце концов, было проведено официальное расследование. Расследование Комиссией армии США в составе судьи из Пенсильвании Эдварда ван Родена (Edward van Roden) и судьи Верховного Суда Техаса Гордона Симпсона (Gordon Simpson) официально подтвердило обвинения об истязаниях. Они обнаружили, что пытки немецких обвиняемых в Дахау были обычной практикой. Сюда включались зверские избиения, прижигания спичками под ногтями пальцев, удары ногами по половым органам, месяцы одиночного заключения, и угрозы репрессий против членов семьи. Нижестоящих по званию заключенных заверяли, что их “признания” будут использоваться только против их обвиняемых начальников. Однако позднее, эти незадачливые люди обнаруживали, что когда их судили в свою очередь, их собственные “признания” использовались против них самих. Высокопоставленных подсудимых же цинично уверяли, что “добровольно” приняв на себя всю ответственность, они тем самым предохранят своих бывших подчиненных от судебного преследования.⁸⁵

На процессе в Дахау один из судебных репортеров был настолько возмущен происходящим там во имя правосудия, что он отказался освещать этот процесс. Перед подкомитетом Сената США он показал, что “самыми жестокими” следователями были три немецких еврея. Хотя технические процедуры на процессе в Дахау и были значительно хуже, чем в Нюрнберге, они дают представление о духе “правосудия”, которое вершилось над побежденными немцами.

⁸⁴ R. Wistrich, *Who's Who in Nazi Germany* (New York: Bonanza, 1984), p. 210.

⁸⁵ О злоупотреблениях на процессе в Дахау, смотри: Freda Utley, *The High Cost of Vengeance* (Chicago: Regnery, 1949), pp. 185-200.; Judge Edward L. van Roden, “American Atrocities in Germany,” *The Progressive*, Feb. 1949, pp. 21-22. Reprinted in: *The Congressional Record - Appendix*, Vol. 95, Sec. 12, (March 10, 1949), pp. A1365-66.; Адвокат защиты на процессе в Дахау Уиллис М. Еверетт (Lt. Col. Willis M. Everett, Jr.) рассмотрел методы, использованные обвинением, в петиции, поданной в Верховный Суд. Полный текст в: *The Congressional Record -- Senate*, Vol. 95, Sec. 2, (March 10, 1949), pp. 2159-2165. Важные выдержки были опубликованы в: *The Congressional Record - Appendix*, Vol. 95, Sec. 13, (April 5, 1949), pp. A-2065-67.

Also useful are: *Montgomery Belton, Victor's Justice* (Regnery, 1949).; Reginald T. Paget, *Manstein: His Campaigns and His Trial* (London: 1951).

Практически все американские следователи, готовившие дела для американских военных судов в Дахау, были “евреи, бежавшие из Германии”, которые “ненавидели немцев”, вспоминал Джозеф Хэлоу (Joseph Halow), американский судебный репортер на процессе в Дахау в 1947 году. “Многие из следователей изливали свою злобу на тех, кого они ненавидели, силой выпытывая признания у немцев, включая “зверские избиения”.⁸⁶

Дело Густава Петрата (Gustav Petrat), немца, который служил охранником в Маутхаузене, не является необычным. После неоднократных зверских избиений, он был сломлен и подписал лжесвидетельство. Его также избивали хлыстом, и угрожали ему, что его сейчас расстреляют. Петрата лишили возможности предьявить в свою защиту какие-либо оправдывающие его свидетельства; даже возможные свидетели защиты подвергались избиениям и угрозам, чтобы не дать им возможности дать показания в его пользу. После судебного фарса в американском военном суде в Дахау, Петрат был приговорен к смертной казни и повешен в конце 1948 года. Ему было 24 года.⁸⁷

Применение пыток для получения инкриминирующих заявлений, конечно, не ограничивалось послевоенной Германией. Подобная практика систематически использовалась во многих странах. Во время Корейской войны американские летчики, содержащиеся в качестве пленных в коммунистической Северной Корее, сделали подробные заявления, в которых “признавали” свою роль в ведении бактериологической войны. Под физическими и психическими пытками 38 американских летчиков “признались”, что они сбрасывали бактериологические бомбы, вызывавшие эпидемии заболеваний с множеством смертельных исходов среди корейского гражданского населения. Позднее было показано, что эти являются заявления фальшивыми, и летчики отказались от них после возвращения в Соединенные Штаты. Их фальшивые признания были такого же рода, которые дали Рудольф Гесс и другие на Нюрнбергском процессе. При аналогичных обстоятельствах американцы проявили не меньшую, а подчас и большую, чем немцы, готовность “признаться” в чудовищных, но безосновательных преступлениях.⁸⁸

⁸⁶ J. Halow, “Innocent at Dachau,” *Journal of Historical Review*, Winter 1989-90, p. 459.; See also: T. Bower, *Blind Eye to Murder*, pp. 304, 310, 313.

⁸⁷ J. Halow, “Innocent at Dachau,” *Journal of Historical Review*, Winter 1989-90 (Vol. 9, No. 4), pp. 452-483. Note especially pp. 478-482 (G. Petrat statement of Sept. 10, 1948).

⁸⁸ “Korean War,” *Encyclopaedia Britannica*, 1973 edition, Vol. 13, p. 474.; Phillip Knightley, *The First Casualty* (1975), p. 355.

Одним из наиболее важных и показательных судебных дел в Нюрнберге, было дело Освальда Пола (Oswald Pohl), возглавлявшего в военное время обширную организацию СС (WVHA), в ведении которой находились концентрационные лагеря. После того, как он был схвачен в 1946 году, его привезли в Ненндорф (Nenndorf), где английские солдаты привязали его к стулу и избили до бесчувствия. При последующих повторных избиениях он потерял два зуба.⁸⁹ Затем его перевезли в Нюрнберг, где американские военные следователи интенсивно обрабатывали его в течение полугода на допросах, длившихся часами. Всего таких допросов было около 70. В течение всего этого периода у него не было доступа ни к адвокату, ни к какой другой помощи. Его так и ни в чем официально не обвинили, даже точно ему не сказали, почему его допрашивают.

После того, как он был приговорен к смертной казни в Нюрнберге в ноябре 1947 года американским военным судом (дело №4 “Концентрационный лагерь”), Пол написал заявление, в котором он описал, как с ним обращались.⁹⁰ Он сообщил, что хотя в целом в Нюрнберге с ним физически обращались не так плохо, как Ненндорфе, его, тем не менее, подвергали менее заметным, но, как он выразился, “в своем роде гораздо более жестоким психическим пыткам”.

Американские следователи (большинство из которых были евреи) обвинили Пола в убийстве 30 миллионов человек и в обречении на смерть 10 миллионов человек. Пол заявил, что следователи прекрасно знали, что все эти обвинения были лживыми, и имели целью сломить его сопротивление. “Поскольку эмоционально я не толстокож, то это дьявольское запугивание было не безуспешным, и следователи достигли того, чего они хотели: не правды, а заявления, служившего их потребностям”, написал он.

⁸⁹ Legal brief for Oswald Pohl (“Grundzüge des Systems der Deutschen Konzentrationslager und Bemerkungen zum Urteil des Militärtribunals II gegen Oswald Pohl”), pp. 23-27. Составлено (в 1948г.?) адвокатом защиты д-ром Альфредом Зейдлем (Dr. Alfred Seidl). Копия предоставлена автору в 1990 году внуком подсудимого Фритьофом Полом (Fritjof Pohl); W. Maser, Nuremberg (1979), p. 100.; Смотри также письменное заявление Освальда Пола от 1 июня 1948 года, цитированное ниже.

⁹⁰ Written statement by Pohl, June 1, 1948. Deutsche Hochschullehrerzeitung (Tübingen), Nr. 1/2, 1963, pp. 21-26. Reprinted in: U. Walendy, ed., “Lügen um Heinrich Himmler, II. Teil,” Historische Tatsachen Nr. 47 (Vloth: 1991), pp. 35-40.; Хотя мне не удалось заполучить копию оригинального текста заявления Пола от 1948 года, его точность может быть подтверждена путем сравнения его с текстом судебного дела (приведенным выше), составленным его адвокатом д-ром Зейдлем (Dr. Seidl). Фритьоф Пол (Fritjof Pohl, внук Освальда Пола) и Вигберт Граберт (Wigbert Grabert, сын редактора-издателя Deutsche Hochschullehrerzeitung) также подтвердили аутентичность заявления Пола от 1948 года.

Пола заставили подписать фальшивые и самоинкриминирующие письменные показания под присягой, написанные для него следователями, и которые позже использовались против него на его собственном суде. Как он вспоминал:

Всякий раз, когда подлинные документы не соответствовали тому, что хотело обвинение или были недостаточны для обвинительного приговора, то использовались эти “письменные показания под присягой”. Самой поразительной чертой этих примечательных документов было то, что в них обвиняемые часто сами себе выносили обвинительный приговор. Это понятно только тем, кто сам прошел через методы получения подобных “письменных показаний под присягой”.

Он и другие обвиняемые были “уничтожены” этими письменными показаниями под присягой, “содержавшими доказуемые ошибки фактов в отношении существенных моментов”, писал Пол. Одно из ложных заявлений, подписанных Полом, обвиняло в преступлении бывшего Президента Рейхсбанка Вальтера Функа (Walter Funk), которого Нюрнбергский Трибунал в последствие приговорил к пожизненному тюремному заключению.⁹¹

Американские официальные лица также использовали лжесвидетелей. Пол писал:

Когда эти произведения [письменные показания под присягой] не давали нужные для прокуроров обвинения результаты, то они выводили своих так называемых “главных свидетелей”, или вернее, платных свидетелей... Целая череда этих сомнительных, презренных персонажей сыграла свою гнусную роль в Нюрнберге. Они включали в себя высокопоставленных правительственных чиновников, генералов и интеллектуалов, а также заключенных, умственно дефективных и откровенных уголовников-рецидивистов... Во время суда WVHA (суд над Полом) в качестве “главного свидетеля” предстал некий Отто (Otto) из психической лечебницы. Его предыдущий образ жизни являлся типичным для любого закоренелого уголовника. То же самое верно в отношении свидетеля обвинения Крузьяля (Krusial), представившего в суде под присягой самые впечатляющие сказочные повествования, которым, естественно, верили...

⁹¹ W. Maser, Nuremberg (New York: 1979), p. 100.

Пол также протестовал, что адвокатам защиты не разрешался свободный доступ и использование немецких документов военного времени, которые сумело раздобыть обвинение:

В течение почти двух лет прокуратуры обвинения могли использовать по своему усмотрению огромное количество ящиков с конфискованными документами и архивными материалами, находившихся в их распоряжении. Однако, несмотря на неоднократные обращения, немецкие обвиняемые были лишены права доступа к тем же самым документам... Это означало колоссальные препятствия или даже полный паралич защиты подсудимых, поскольку эти ящики с документами также содержали материалы, доказывающие невиновность обвиняемых, и которые прокуратуры обвинения были в состоянии не допустить для предъявления в суде. И это называется “надлежащей” процедурой.

Поскольку Пол имел звание генерала в немецких вооруженных силах, то, как с ним обращались англичане и американцы, было незаконным согласно международным соглашениям об обращении с военнопленными.

“В результате зверского со мной обращения в Ненндорфе и жестоко обращения в Нюрнберге, психологически я был сломленным человеком”, писал он. “Мне было 54 года. 33 года я честно служил своей стране и не осознавал за собой никаких преступлений”.

Пол подытожил характер послевоенных судов над немецкими лидерами:

Во время судебного процесса в Дахау — а также это безошибочно проявилось и лишь плохо маскировалось во время Нюрнбергского процесса, — было совершенно очевидно, что обвинители, среди которых преобладали евреи, руководствовались слепой ненавистью и явной жадной мести. Целью являлось не поиск истины, а уничтожение как можно большего числа противника.

Своему старому другу Пол писал: “Являясь одним из высокопоставленных лиц в СС я не надеялся, что меня оставят в покое. Однако я также не ожидал и смертного приговора. Это — приговор возмездия”.⁹²

⁹² W. Maser, Nuremberg, p. 175.

Он был повешен 7 июня 1951 года. В своем последнем прошении Нюрнбергскому суду Пол выразил уверенность, что когда-нибудь слепая истерия уступит место справедливому пониманию.⁹³

Когда время расставит все по своим местам, когда улягутся страсти, а ненависть и месть утолят свою жажду, те многие миллионы честных немцев, пожертвовавших свои жизни за свою родину, получат свою долю симпатии и сочувствия, которыми сегодня пользуются жертвы концентрационных лагерей, несмотря на то, что большое число из них обязано своей судьбе не политическим, расовым или религиозным убеждениям или признакам, а своему уголовному прошлому.

Истребление отрицалось

Вместе с миллионами людей по всему миру, жадно следивших за судебными заседаниями в Нюрнберге по радио и газетам, сами обвиняемые были поражены свидетельствами, представленными в подтверждение обвинений в истреблении. Прежде всего, это были показания коменданта Освенцима Рудольфа Гесса и начальника Айнзацgruppen (Einsatzgruppen) Отто Олендорфа (Otto Ohlendorf), произведших глубокое впечатление. Однако, вопреки тому, что часто утверждается или клеветнически распространяется, обвиняемые на Нюрнбергском Трибунале заявили, что они не знали ни о какой программе истребления во время войны.⁹⁴ Эти люди были, в определенном смысле, первыми “ревизионистами холокоста”.

Главный обвиняемый в Нюрнберге, Германн Геринг (Hermann Göring), который являлся вторым человеком в государстве и преемником Гитлера большей части времени Третьего Рейха, горячо отрицал знание какого-либо плана истребления во время войны. “Только здесь, в Нюрнберге, я впервые узнал об этих ужасных истреблениях”, воскликнул он однажды.

⁹³ Nuremberg Military Tribunal, NMT (“green series”), Vol. 5, p. 934.

⁹⁴ R. Hilberg, Destruction of the European Jews (1985), p. 1067.; R. Faurisson, “Response,” Journal of Historical Review, Spring 1986, p. 40.; J. Heydecker and J. Leeb, Der Nürnberger Prozess (Cologne: 1958), pp. 489 ff. Cited in: W. Stäglich, Der Auschwitz-Mythos (1979), p. 104.; See also: R. Conot, Justice at Nuremberg, p. 514. Согласно редакционной статье в the San Francisco Examiner (“Holocaust disbelievers,” March 30, 1992), “Ни один из военных преступников, осужденных в Нюрнберге, не говорил в качестве защиты: ‘Этого не было’; они говорили, что они ‘только выполняли приказ’.”

Он объяснил, что целью немецкой политикой являлась высылка евреев, а не их убийство, и добавил, что насколько ему известно, Гитлеру также ничего не было известно о какой-либо политике истребления.⁹⁵

Во время одного из редких перерывов между судебными заседаниями, когда вблизи отсутствовали охранники, сидевший вместе с ним на скамье подсудимых Ганс Фрицше (Hans Fritzsche) в частном порядке спросил Геринга об истинности обвинений в истреблении. Бывший рейхсмаршал торжественно заверил Фрицше, что такое обвинение ложно. Свидетельства Союзников, настаивал он, были неточны или неполны, и полностью противоречили тому, что он знал по этому вопросу. В любом случае, добавил Геринг, если и имели место какие-нибудь массовые убийства, то, конечно, не по приказу Гитлера.⁹⁶

Генерал Альфред Йодль (Alfred Jodl), начальник штаба Верховного командования вооруженных сил, и, вероятно, самый близкий военный советник Гитлера, дал Трибуналу аналогичные показания. Отвечая на прямой вопрос в связи с этим делом, он сказал:⁹⁷

Я только могу сказать, в полном осознании своей ответственности, что я никогда не слышал, в письменной или устной форме или намеков, об истреблении евреев... Я никогда не обладал никакой частной информацией об

⁹⁵ IMT ("blue series"), vol. 9, pp. 611, 612, 619.; Wm. L. Shirer, *The Rise and Fall of the Third Reich* (New York: 1960), p. 964, footnote.; Во время разговора со своим адвокатом в начале 1946 года, Геринг сказал: Я действительно ничего не знаю о массовых убийствах евреев". Цитируется молодым адвокатом, который был помощником адвоката Геринга, д-ра Штамера (Dr. Stahmer), в: *Gespräche mit Hermann Göring während des Nürnberger Prozesses, Teil I* (W. Germany: 1950 and reprint. no date, no place), p. 15. (Conversation on Jan. 12, 1946).; See also: David Irving, *Göring* (New York: 1989), p. 469.

⁹⁶ Hans Fritzsche (H. Springer), *The Sword in the Scales* (London: A. Wingate, 1953), pp. 144-145. German edition: *Das Schwert auf der Waage* (Heidelberg: K. Vowinkel, 1953), p. 118.

⁹⁷ IMT ("blue series"), vol. 15, pp. 332-333. Также цитируется у: J. McMillan, *Five Men at Nuremberg*, pp. 239-240.; Смотри также аналогичные показания радио комментатора и сотрудника министерства пропаганды Ганса Фрицше: A. de Zayas, *Wehrmacht War Crimes Bureau* (1990), p. 111.; Economics minister Walter Funk: IMT ("blue series"), vol. 22, pp. 387 f.; Minister for the occupied Soviet territories Alfred Rosenberg: IMT, vol. 22, p. 382.; Foreign Minister von Ribbentrop: R. Conot, *Justice at Nuremberg*, p. 54.; Foreign Office State Secretary Ernst von Weizsäcker: NMT, vol. 13, pp. 437, 443, 445.; Note also statements by officials Stuckart, Klopfer, Leibbrandt, and Kritzing, in: Robert Kempner, *Eichmann und Komplizen* (Zurich: 1961), pp. 151-160.; Documents PL-54 and PL-64 in: IMT ("blue series"), vol. 42, pp. 348, 385.

истреблении евреев. Я даю честное слово, что я впервые услышал все эти вещи после окончания войны.

Ганс Франк (Hans Frank), немецкий военный губернатор Польши, показал, что во время войны он слышал только слухи и иностранные сообщения о массовых убийствах евреев. Он спрашивал у официальных лиц, включая Гитлера, касательно этих историй, и его неоднократно заверяли, что они ложны.⁹⁸

Показания Франка представляют особую ценность, ибо если на самом деле были истреблены миллионы евреев в оккупированной немцами Польше, как это утверждалось, то вряд ли кто-нибудь другой мог лучше об этом знать. В ходе процесса Франк был преисполнен глубокого чувства христианского раскаяния. Его психологическое состояние было таково, что если бы он знал о какой-либо программе истребления, он бы сказал о ней.

В ходе одного из заседаний адвокат Франка спросил его: "Вы когда-нибудь принимали какое-либо участие в истреблении евреев?" Его ответ отражает его эмоциональное состояние в то время:⁹⁹

Я говорю да, и причина, почему я говорю да, состоит в том, что под впечатлением этих пяти месяцев заседаний, и особенно под впечатлением показаний свидетеля [бывшего коменданта Освенцима] Гесса, моя совесть не позволяет мне полностью переложить ответственность за это на подчиненных. Я никогда не строил еврейские лагеря смерти или способствовал их созданию. Но если Адольф Гитлер лично переложил эту ужасную ответственность на свой народ, то это также относится и ко мне. В конце концов, мы вели эту борьбу против еврейства в течение многих лет... И, следовательно, я обязан ответить на ваш вопрос в этом смысле и в этом контексте утвердительно да. Пройдет тысяча лет, но эта вина Германии не загладится.

Эти слова, и особенно последнее предложение, часто цитировались, чтобы создать впечатление, будто обвиняемые сами признали свою вину и признали существование в военное время немецкого плана истребления

⁹⁸ IMT ("blue series"), vol. 12, pp. 17-19.; Смотри также показания Джозефа Бюлера (Joseph Bühler), тесно работавшего с Франком в течение многих лет: IMT, vol. 12, pp. 64, 69, 70.; Note also: R. Faurisson, "Challenge," *Journal of Historical Review*, Winter 1984, pp. 298 f.

⁹⁹ IMT ("blue series"), vol. 12, p. 13. German text quoted in: Richard Pemsel, *Hitler* (Tübingen: 1986), p. 317.

евреев.¹⁰⁰ Менее известными являются слова Франка, произнесенные им в своем последнем обращении к Трибуналу:¹⁰¹

В качестве свидетеля я сказал, что и за тысячу лет вина нашей страны не будет заглажена из-за поведения Гитлера в этой войне. [Однако] не только поведение наших военных противников в отношении нашего народа и наших солдат, которое совершенно не допускалось к обсуждению на этих заседаниях, но также и массовое совершение самых страшных преступлений против немцев, о которых я только сейчас узнал, особенно в Восточной Пруссии, Силезии, Померании и Судетах, которые совершались и продолжают совершаться русскими, поляками и чехами, теперь уже совершенно уравнивали любую возможную вину нашего народа. Будут ли когда-нибудь судить за эти преступления против немецкого народа?

Эрнст Кальтенбруннер (Ernst Kaltenbrunner), начальник могущественного Главного управления безопасности Рейха во время войны (RSHA), знал, что его вскоре казнят независимо от свидетельств, представленных Трибуналу: “Полковник — начальник тюрьмы, в которой я содержался, — сказал мне, что меня повесят в любом случае, независимо от результата. И поскольку я полностью осознаю это, все, что я хочу сделать — это пролить свет на фундаментальные вещи, которые неверно толкуются здесь”. Отвечая на вопросы, Кальтенбруннер отверг обвинение в том, что он отдал приказ об умерщвлении газами.¹⁰²

Вопрос. Свидетель за свидетелем, показание за показанием, говорили, что убийства в газовых камерах совершались по общим или конкретным приказам Кальтенбруннера.

Ответ. Покажите мне одного из этих людей или какой-нибудь из этих приказов. Это совершенно невозможно.

Вопрос ... Практически все приказы проходили через Кальтенбруннера.

¹⁰⁰ Final sentence quoted by British prosecutor Shawcross at Nuremberg: IMT (“blue series”), vol. 19, p. 433, and in: W. Shirer, *Rise and Fall of the Third Reich* (1960), p. vii.; Entire passage quoted in: R. Hilberg, *Destruction of the European Jews* (1985), p. 1055.; R. Conot, *Justice at Nuremberg*, p. 380.

¹⁰¹ IMT (“blue series”), vol. 22, p. 385. German text quoted in: R. Pemsel, *Hitler* (1986), p. 129.; Преступное, жестокое обращение Союзников с немцами, обсуждается в книгах *Gruesome Harvest* by Ralph F. Keeling, и *Nemesis at Potsdam* by Alfred de Zayas.

¹⁰² *Nazi Conspiracy and Aggression* (“red series”), Suppl. vol. B, pp. 1306-1307, 1299. See also: IMT, vol. 22, pp. 378-379.; Hans Fritzsche (H. Springer), *The Sword in the Scales* (London: Wingate, 1953), pp. 182-187.

Ответ. Абсолютно невозможно.

Дело Альберта Шпеера (Albert Speer), министра вооружений во время войны и бывшего одно время доверенным лицом Гитлера, заслуживает особого внимания. Его тактика защиты в Нюрнберге была своеобразной и довольно успешной, поскольку он не был повешен. Утверждая, что он лично ничего не знал о программе истребления во время войны, он, тем не менее, заявил, что считает себя морально виновным за то, что он верно служил режиму, который, как он с запозданием понял, был дурным. Отбыв двадцатилетний срок в тюрьме Шпандау, “раскаявшийся нацист” был “реабилитирован” средствами массовой информации за его тонкое, но пылкое осуждение режима Гитлера. Его мемуары, в которых он сокрушался и раскаивался, были опубликованы в США под названием “Изнутри Третьего Рейха” (*Inside the Third Reich*), получили высокую оценку и с большой прибылью были проданы в Европе и Америке.

До самой своей смерти в 1981 году, Шпеер неизменно настаивал, что он ничего не знал ни о какой программе истребления или умерщвления газами во время войны. Его позиция является примечательной, потому что, если во время войны действительно существовала бы политика истребления евреев, то никто не мог быть осведомленным о ней лучше него. В качестве министра вооружений Шпеер был ответственен за мобилизацию в Европе всех имеющихся ресурсов, включая столь необходимую еврейскую рабочую силу. То, что миллионы евреев со всей Европы могли быть перевезены и убиты в таком важном военно-промышленном центре как Освенцим или в другом месте без ведома Шпеера, является совершенно невероятным.¹⁰³

Во время процесса “Вильгельмштрассе” (Wilhelmstrasse) в Нюрнберге, начальника Канцелярии Рейха с 1933 по 1945 гг. Ганса Ламмерса (Hans Lammers) спросили, “считает ли он по-прежнему, что никакой программы по истреблению евреев не существовало”. Он ответил: “Да, считаю. Во всяком случае, такая программа никогда не попадала в мое поле зрения. Эта программа не могла быть разработана”. Ламмерс, который был ближайшим советником Гитлера по юридическим вопросам, далее объяснил: “Я не знал ни о каких массовых убийствах, а случаи, которые я слышал, были предположениями и слухами... Отдельные расстрелы

¹⁰³ Matthias Schmidt, *Albert Speer: The End of a Myth* (New York: 1985), pp. 194-195. See also: M. Weber, “Albert Speer and the Holocaust,” *Journal of Historical Review*, Winter 1984, p. 439.; M. Weber, “Legal Declaration,” *Journal of Historical Review*, Spring 1982, pp. 42-43.; A. Butz, *Hoax of the Twentieth Century*, pp. 179-180.; Henry A. Turner, Jr., “The Nazi Who Made a Comeback,” *The New York Times Book Review*, March 3, 1985, pp. 9-10.

евреев в военное время в тех или иных городах, о которых я время от времени читал и слышал, вполне могли происходить.¹⁰⁴

Такие показания людей, которые были лучше всего осведомлены о политике Германии в отношении евреев, обычно отвергаются как наглая ложь. Однако категоричность и последовательность этих показаний, порою людей, которые знали, что их вскоре ожидает смерть, говорит о том, что в основном их слова содержали правду. С другой стороны, согласиться с холокостской теорией истребления значит придать большую достоверность самым фантастическим и часто явно лживым показаниям очень сомнительных свидетелей.

Другие послевоенные процессы

В послевоенные десятилетия, прошедшие после Нюрнберга, в (Западной) Германии и других странах судили многих людей за предполагаемое участие в истреблении евреев во время войны. Редко, если вообще, подсудимые подвергали сомнению холокостскую теорию. Подсудимые неизменно принимали стратегию защиты, успешно использованной Шпеером в Нюрнберге: он согласился с теорией истребления, но отрицал или минимизировал свое личное участие. Отрицать существование плана истребления на процессах, в организацию которых было положено убеждение, что такой план существовал, означало бы судебное самоубийство.

В некоторых отношениях эти процессы сравнимы с советскими показательными процессами 1936-1938 гг. Подсудимые на широко известных московских процессах никогда не отрицали существование разветвленного преступного заговора, с участием крупнейших советских деятелей, которые предположительно замыслили самые страшные преступления в сотрудничестве с враждебными иностранными державами. Вместо этого, обвиняемые говорили, что они лично не виновны, или, что их вина минимальна и они искренне раскаялись. (Примечательно, что даже иностранные наблюдатели, которым полагалось быть более осведомленными, такие как посол США в Москве

¹⁰⁴ NMT ("green series"), vol. 13, pp. 421, 430.; See also Lammers' testimony in IMT ("blue series"), vol. 11, pp. 53, 115-116.; Lammers' career and the history of the Reich Chancellery during the Third Reich is dealt with in: Georg Franz-Willing, *Der Reichskanzlei: 1933-1945* (Tübingen: 1984).

Джозеф Дэвис (Joseph Davies), были склонные принять сталинские показательные процессы как подлинные и, в основном, справедливые.)¹⁰⁵

"Холокостские" процессы сравнивали с судами над ведьмами в прошлых столетиях. Обвиненные в колдовстве никогда не отрицали существование ведьм или их связь с дьяволом. Вместо этого они настаивали, что они лично не виновны в тех преступлениях, в которых их обвиняли. Нюрнбергский подсудимый Ганс Фрицше, который был самым выдающимся и умелым комментатором радио новостей в Германии во время войны, подвел итог проблеме: "Если меня обвиняют в убийстве одного человека, то я могу доказать обратное. Но если меня обвиняют в том, что я дьявол, то нет способа опровергнуть это, потому что это невозможно сделать".¹⁰⁶

Один из самых важных "холокостских" процессов, прошедших после Нюрнберга, был "освенцимский" суд во Франкфурте в 1963-1965 гг. над 22 бывшими членами СС из Освенцима. Затянувшееся судебное дело широко освещалось во всем мире и приняло характер показательного процесса.¹⁰⁷ Определение виновности или невиновности обвиняемых было "чрезвычайно затруднительным", заявил судья в своем приговоре, в силу неубедительности свидетельств. "У нас нет никаких неоспоримых свидетельств отдельных убийств. У нас есть только показания очевидцев". Судья признал, что "возможности проверки заявлений очевидцев были очень ограниченными". Судья далее подчеркнул "эту слабость показаний очевидцев", цитирую дело служащего в Бухенвальде, осужденного за убийство заключенного, который позднее оказался живым.¹⁰⁸

Эта двусмысленность ситуации ярко проявилась во время суда, когда бывший заключенный Рудольф Кауэр (Rudolf Kauer) неожиданно отказался от своих прежних заявлений в отношении своих бывших хозяев из СС. На предварительном допросе он утверждал, что видел, как подсудимый Вильгельм Богер (Wilhelm Boger) зверски избивал хлыстом

¹⁰⁵ On the Moscow show trials, see: Robert Conquest, *The Great Terror* (New York: Oxford Univ. Press, 1990), pp. 83-132, 468.; Joseph E. Davies, *Mission To Moscow* (New York: Pocket Books, 1943), pp. 38-39.; Edward Crankshaw, ed., *Khrushchev Remembers* (Boston: 1970), pp. 352-353.

¹⁰⁶ H. Fritzsche, *Es sprach Hans Fritzsche*, p. 144. Quoted in: R. Pemsel, *Hitler* (1986), p. 167. 107.

¹⁰⁷ See Wilhelm Staeglich's useful analysis of the trial, *Auschwitz: A Judge Looks at the Evidence* (IHR, 1990), especially chapter four. (German-language edition: *Der Auschwitz-Mythos*, 1979).; See also: Konnilyn Feig, *Hitler's Death Camps* (New York: 1981), p. 365.

¹⁰⁸ Bernd Naumann, *Auschwitz* (New York: Praeger, 1966), pp. 8-26, 416-417. Quoted in: A. Butz, *Hoax of the Twentieth Century*, pp. 187-188.

раздетую донага польскую женщину, распоров ей одну грудь и залив кровью пол комнаты. Когда в суде его попросили повторить заявление, Кауэр признал: “Я лгал об этом. Это был просто слух, ходивший по лагерю. Я никогда этого не видел ...” Он также признал, что другое его утверждение о том, что Богер разможил череп младенца о ствол дерева, также было лживым. Кауэр сказал суду, что хотя Богера и не любили, он в действительности был справедливый эсэсовец.

Другой подсудимый, Клаус Дилевски (Klaus Dylewski), которого Кауэр ранее назвал “одним из самых худших убийц” в Освенциме, в действительности был “безобидным”. Кауэр сказал, что все его обвинения на предварительном допросе были ложью, при этом спокойно добавив: “Вы можете наказать меня, если хотите. Я к этому привычен”. После того как председательствующий судья сделал ему несколько предупреждений за его отказ от ранее сделанных заявлений, Кауэр ответил: “Не будем терять больше слов. Это не стоит этого. То, что я сейчас говорю, является правдой”.¹⁰⁹

Бывший адъютант в лагере Освенцим и капитан СС Роберт Мулка (Robert Mulka), главный обвиняемый на суде, был объявлен виновным в участии в массовых убийствах и приговорен к 14 годам каторжных работ, приговор, который показался многим посторонним наблюдателям возмутительно мягким. Но менее, чем четыре месяца спустя, Мулка без лишнего шума был выпущен на свободу. Такой исход мог показаться удивительным только тем, кто не был знаком с природой подобных судебных процессов.¹¹⁰

Заключение

Очень немногие из тех, кто любят ссылаться на “свидетельства в Нюрнберге” как доказательство холокостской истории истребления, знакомы с реальной подоплекой этих “свидетельств” или характером этого судебного процесса. При более тщательном изучении,

документация или судебные свидетельства немецкой политики по истреблению евреев Европы оказываются совершенно неубедительными. Как мы видели, представленные свидетельства состоят главным образом из признаний, полученных под пыткой, ложных показаний и мошеннических документов. Послевоенный Нюрнбергский процесс был политически мотивированным предприятием, главной целью которого была дискредитация руководителей потерпевшего поражение режима, а не установление истины.

Нам не нужны судебные процессы или “признания”, чтобы доказать, что Катыньские убийства или послевоенные депортации немцев из восточной и центральной Европы действительно имели место. Холокостская же теория утверждает не об отдельных изолированных убийствах, а об обширной программе истребления, осуществлявшейся на европейском континенте на протяжении трех лет с участием нескольких государств и миллионов людей. Тот факт, что холокостской теории приходится опираться в основном на чрезвычайно сомнительные свидетельства и судебные процессы, проведенные в исторически беспрецедентной атмосфере истерии, запугивания и пропаганды, показывает ее внутреннюю несостоятельность.

¹⁰⁹ “Belastende Aussage angeblich unter Alkohol,” Frankfurter Rundschau, July 7, 1964, p. 7.; “Der Auschwitz-Prozess,” Frankfurter Allgemeine Zeitung, July 7, 1964, p. 6.; “Lied About Auschwitz,” Miami Herald (UPI dispatch), July 7, 1964, p. 15-A or 4-D, depending on edition.

¹¹⁰ Cited by A. Butz in: “Perspective in the 'Holocaust' Controversy,” Journal of Historical Review, Winter 1982, p. 374, and in the 1983 US edition of Hoax of the Twentieth Century, p. 338.; К Фейг (K. Feig) сообщает в Hitler's Death Camps (1981), p. 365, что после подачи апелляционной жалобы, все подсудимые были освобождены.